

Александр ЛОКТЕВ

Очерки о людях и судьбах

Москва - 2009

Локтев А. Л.

Каждый вышивает полотно своей жизни.
Очерки о людях и судьбах

Автор книги – член Московского союза литераторов, доктор технических наук, житель города Королёва. Его перу принадлежат более десятка книг в прозе и в стихах.

«**Каждый вышивает полотно своей жизни**» – новая работа автора, составленная из очерков разных лет о людях ныне живущих и тех, которых нет с нами. Людях равнодушных, целеустремленных, с активной жизненной позицией. Они состоялись в этой жизни порой не благодаря, а вопреки обстоятельствам. Их судьбы очень разные, но всех их объединяет простая мысль, ставшая заголовком книги.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

ISBN

© А.Л. Локтев, 2009

На обложке фото гобелена А.Головкина «Охота на кабана»

Литературно-художественное издание

Локтев Александр Львович

Каждый вышивает полотно своей жизни.

Очерки о людях и судьбах

Книга издана в авторской редакции
Компьютерная вёрстка и создание оригинал-макета –
М.В. Чистякова

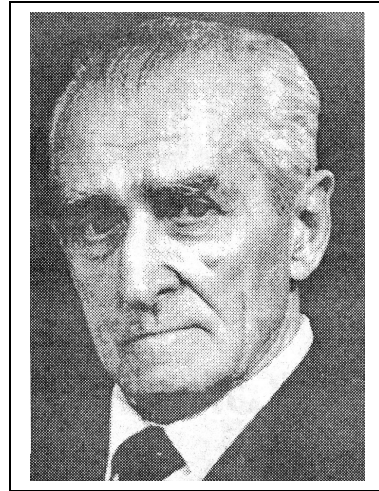
СОДЕРЖАНИЕ

Философия оптимизма (Д.Донской).....	4
Магия звука (Б.Певзнер).....	9
«Игра в природу и в жизнь кажется мне наиболее захватывающей» (Б.Жутовский).....	17
«Парижанка» Александра Васильевна (А.Корваль)	20
Каждый вышивает полотно своей жизни (А.Головкин).....	26
Коллекционер, подвижник, тонкий знаток эстрады (В.Сафошкин)	31
Шесть увлечений Льва Кадушина (Л.Кадушин).....	38
Это было не во сне (В.Тамаркин)	46
Я выбрала Колыму (Н. Савоева)	57
Океан молчания по капле наполнен криком о помощи (Б.Лесняк).....	65
«Я – сама!» (Н.Шушарина).....	83
Человек на своем месте (В.Солодушкин).....	88

Примечание. В скобках указаны фамилии героев очерков.

ФИЛОСОФИЯ ОПТИМИЗМА

Несколько лет я время от времени встречал этого весьма пожилого, поджарого мужчину то летом, бегущим трусцой вдоль Мытищинского шоссе в «Лосином Острове», то зимой, ходко идущим на лыжах в районе Яузы. Его физическая активность, явно контрастирующая с возрастом, сразу же привлекла мое внимание, но я все никак не решался заговорить с незнакомым человеком. Как-то раз мы с ним одновременно выехали из леса и, стоя рядом, снимали лыжи. Я решился, наконец, заговорить, мы познакомились.

Моим новым знакомым оказался житель города Королева Дмитрий Дмитриевич Донской. Тогда ему шел девяносто второй год.

– Что-то за осень у меня ноги ослабли, – сказал он мне, когда мы возвращались из леса. – Надо укрепить мышцы. Вот я и хожу, как только погода позволяет, по десять километров.

Мое первое удивление сменилось вторым: Дмитрий Дмитриевич, несмотря на почтенный возраст, преподавал в Российской Государственной академии физкультуры. Доктор педагогических наук, профессор кафедры читал студентам свой любимый предмет – курс биомеханики.

Теория и практика биомеханики

После окончания в 1926 году средней школы в Москве (к слову сказать, одной из десяти опытно-показательных школ Московского отдела народного образования, где Дмитрий учился в одном классе с Шуркой Калининным – сыном Михаила Ивановича) в 16 лет, он год провел в Сибири, на второй год провалился

при поступлении в ВУЗ, работал на кафедре родственника матери Юрия Филипченко – автора первой в стране книги по математической статистике, организатора первой в СССР кафедры генетики. И только спустя еще год поступил в Первый Ленинградский медицинский институт, где был самым младшим. В институте тогда преподавали почти все те преподаватели, по чьим учебникам и учились студенты. Это была учеба, в полном смысле слова, из первых рук.

В 1932 году Дмитрий Дмитриевич заканчивает институт. Молодого врача-терапевта-кардиолога направляют в Москву, в институт курортологии, для исследования проблем отдыха трудящихся. Здесь Донской увлекся альпинизмом, который надолго стал его страстью. Еще в 1931 году его, неподготовленного к сложным восхождениям, взял с собой на Тянь-Шань известный геолог и альпинист Вадим Буханевич, открывший позднее для страны «советский каучук» – кок-сагыз. Кстати говоря, вместе с Буханевичем искал кок-сагыз и Донской. Об этой экспедиции Анатолий Аграновский написал книгу «Повесть о чудесном одуванчике» (Детгиз, 1951), в которой все имена вымышлены, кроме Дмитрия Донского.

Донской стоял у основания создания Федерации альпинизма СССР, а в должности председателя Горной секции Украины участвовал в организации первых в стране альпинистских лагерей, организовал первый в истории пионерский альпинистский лагерь, много времени уделял вопросам физической подготовки альпинистов, разработке теории их спортивных тренировок.

В 1934 году Донской переехал в Харьков, где работал сначала в Украинском НИИ физической культуры, а затем заведовал кафедрой анатомии Государственного института физической культуры Украины. Однако же быстро разочаровался в методах преподавания анатомии.

- Я решил, – сказал он мне, – что такая анатомия нам не нужна.

С 1936 года Донской изучал, преподавал и пропагандировал горнолыжную технику, технику лыжных гонок.

С 1941 года Донской – на фронте. Юго-Западный фронт, Воронежский, Сталинградский. Донской организует госпитали для легкораненых в прифронтовой полосе. Их не направляют в тыл, а успешно излечивают и возвращают в строй именно благодаря индивидуально подобранным физическим упражнениям. Семьдесят процентов – снова в строю! Такого никогда раньше не было, хотя

способы поражения людей во Второй Мировой войне стали неизмеримо более мощными.

Позднее, на 3-м Украинском фронте, Донской познакомился со своей будущей женой – хирургом, участницей обороны Москвы и Курской битвы, впоследствии проработавшей 30 лет в железнодорожной больнице имени Семашко, что на станции Яуза.

А потом были еще Карельский фронт и Вена, где Дмитрий Донской встретил окончание войны. Как ни жестока была война, но и она сослужила будущему биомеханику хорошую службу, дав ему богатейшую практику. С этой практикой Донской, вскоре демобилизовавшийся, приехал в Москву к известному физиологу Бернштейну. Однако через некоторое время, из-за гонений на своего руководителя, он вынужден был принять предложение председателя Спорткомитета и уехал заведовать кафедрой анатомии Омского института физической культуры. Через четыре года Донской вернулся в Москву в Центральный НИИ физической культуры, где восемь лет проработал заместителем директора по научной работе. Здесь у него появилась возможность восстановить лабораторию биомеханики, которая позднее выросла в крупную школу. По поручению научного совета Спорткомитета и при активном участии Донского в 1958 году в учебный план институтов физкультуры был введен курс биомеханики, теоретической основой которого явились положения отечественной школы биомеханики, созданной трудами Н.А. Бернштейна.

Позднее Д.Д. Донской начал преподавать биомеханику в Российской государственной академии физической культуры.

За последние сорок лет вышли в свет пять учебников Д.Д. Донского по биомеханике, причем, не стереотипных. Эти книги переведены на 14 языков и изданы в Германии, Японии, Китае, Италии и других странах. Об их востребованности говорит такой, например, факт: в институтской библиотеке Санкт-Петербурга осталось лишь 20 экземпляров, все остальные... утащили. И в этом нет ничего удивительного, достаточно сказать, что после неудачи наших лыжников на одной из зимних Олимпиад Дмитрий Донской принимал участие в переучивании сборной страны на новый способ хода, и теперь этот способ по своей сути взят на вооружение всеми основными командами стран мира.

Материальное – в духовном, духовное – в материальном

Мы подошли к главному итогу жизни Дмитрия Дмитриевича – глубокому проникновению в суть биомеханики, науки о законах механического движения в живых системах. Последние десять лет мой собеседник понял и прочувствовал в своем предмете самое главное – человеку нужно человеческое! Ему не нравится шибко научное название «антропоцентрическая биомеханика», гораздо лучше звучит: «биомеханика человека». Он убежден, что речь следует вести о двух сторонах одной медали – умственной форме организации и о механике движения.

На V Всероссийской конференции, состоявшейся в 2000 году в Новгороде, Д.Д. Донской выступил с докладом «Предметная область биомеханики человека и ее методы». Развивая эту тему, он готовит новый доклад для VI конференции, которая должна состояться в мае 2002 года. В нем, по его словам, он хочет «поставить заявочный столб».

В основе этой заявки – подход Николая Бернштейна к активности, к действию, а также идеи Петра Лесгафта о необходимости единства и гармонии духовного и физического образования.

Именно действия, то есть осознанные и целенаправленные движения, выделяют человека из животного мира. Человек делает не просто движение, но действие. Речь идет о предвидении, достижении поставленной цели путем решения двигательной задачи, находящейся в сознании. Решая двигательную задачу, человек добирается до цели. Активная деятельность человека направлена на переделку себя и мира. Уверенность в этом и связанная с ней активность – это и есть гармония по Лесгафту.

Физическое упражнение, как действие, имеет духовную и материальную форму организации. Сознание управляет действием человека, а действие, в свою очередь, формирует сознание. Активность, умение действовать – самое важное в жизни, это то, чем руководит сознание. Именно сознание делает две вещи – познает мир и потому его преобразует. Вот отсюда и вытекает место физической культуры в жизни человека. Донской считает, что сегодняшний кризис в области физической культуры связан с

тем, что она отстает от сегодняшних задач человечества. На физическую культуру надо смотреть шире и видеть в ней не только комплекс чисто физических упражнений. Он убежден: физическое действие выступает и как средство построения личности. Отсюда и его оптимизм, убежденность не только в возможности, но и в прямой необходимости гармоничного развития духовного и через физическую активность: человек обязан, кроме иных путей развития, «строить себя сам».

Надо, по убеждению Донского, коренным образом пересмотреть место физической культуры в духовном образовании народа. Сейчас в стране полно оздоровительных учреждений для богатых, которые помаленьку, через моду, приходят к желанию быть здоровыми и жить долго, но делают это пока вне мотивов духовных. Между тем, в тех, с кем работают биомеханики, надо прежде всего видеть человека. Именно этому учит Донской своих учеников: не только комплекс физических программ, но и духовное обогащение! С горечью говорил Дмитрий Дмитриевич о наших генералах, среди которых практически каждый – брюхоносец. А между тем, в США нередко увольняют в запас даже высоких чинов в случаях, если они не в силах выполнить физические нормативы.

– Когда я вхожу в аудиторию, – говорит мой собеседник, – я могу читать лекции и два, и четыре, и шесть часов кряду, не зная усталости.

Мы прощаемся с Дмитрием Дмитриевичем в коридоре его скромной квартиры, и он показывает на свои лыжи:

– Вот мое главное увлечение! Благодаря ему я дожил до девяноста лет и сохраняю активность!

МАГИЯ ЗВУКА

На «Концерт в лицах» Московско-го «Хорового театра Бориса Певзнера» я попал случайно. До этого я не знал об этом уникальном коллективе, хотя он существовал в Москве уже несколько лет и имел в своем репертуаре около 20 концертных программ. Послушав (и посмотрев!) его, я попытался для себя объяснить причину его привлекательности, причину возникшего стойкого желания придти на другие «концерты в лицах». Я стал активно наверстывать упущенное и вскоре понял, в чем причина этой

привлекательности: тщательное выпевание каждого звука, какое-то трепетное к нему отношение, желание сделать из каждого концертного номера мини-спектакль. И мне было приятно услышать эту же мысль из уст самого художественного руководителя театра, заслуженного деятеля искусств России, профессора Бориса Самуиловича Певзнера: – Художественная ценность каждого звука должна оберегаться так же, как слеза ребенка! Это – мое кредо, моя высшая ценность!

Прежде чем познакомить читателя с нашей беседой 2001 года, несколько слов о самом маэстро.

Родился в Минске. Потом – война, эвакуация, переезд в Москву, где Борис учился в Гнесинской семилетке на скрипке у замечательного педагога Владимира Рабея. Спасаясь от сталинских репрессий по «делу врачей», семья подалась в Краснодар (мать Бориса была медиком). Там Борис учился в музыкальном училище. Спустя некоторое время он вернулся в Москву, чтобы по стопам отца поступать в Гнесинский институт (отец закончил этот институт в качестве хормейстера). Однако после первых эк-

заменов решил, что не пройдет, уехал в Новосибирск, где благополучно выдержал конкурс в консерваторию. Ее он окончил дважды – как хормейстер (класс профессора В.Н.Минина, 1965 год) и как оперно-симфонический дирижер (класс профессора А.М.Каца, 1976 год). Затем – аспирантура в Гнесинском институте, работа с Мининым в Ленинградской хоровой капелле им. М.И.Глинки дирижером-хормейстером, педагогическая деятельность в Новосибирской консерватории, создание первого в Сибири академического хорового коллектива – Новосибирского камерного хора (с 1980 года – профессиональный камерный хор Новосибирской государственной филармонии), которым он руководил более 15 лет (с 1971 по 1986 год). Среди памятных событий этого времени – Золотая медаль и звание лучшего дирижера на Международном конкурсе им.Б. Бартока в Дебрецене (Венгрия, 1978 год). С 1987 по 1990 год Борис Певзнер – художественный руководитель и главный дирижер Государственной хоровой капеллы Грузии и профессор Тбилисской консерватории. С 1991 по 2000 год он возглавляет кафедру дирижирования Новосибирской государственной консерватории им.М.И. Глинки. И параллельно с этим он реализует свою мечту, к которой шел всю жизнь, – создает Московский хоровой театр – уникальный, не имеющий аналогов в мировой вокально-исполнительской практике коллектив, который быстро занял достойное место в культурной жизни России и Европы.

Дело в том, что в какой-то момент Борис Самуилович почувствовал, что как дирижер хора исчерпал себя, перестал двигаться вперед. Возможность только «озвучивать партитуру» перестала его удовлетворять. Самым важным для себя он считал возможность предложить слушателям оригинальную интерпретацию. И для этого он хотел видеть перед собой не безликого хориста, а солиста-ансамблиста. Так родилась идея хорового театра, в котором каждый певец должен обладать уникальным и универсальным набором творческих качеств: быть ярким солистом, владеть искусством пения в ансамбле любого состава и обладать актерским талантом. Московский хоровой театр Борис Певзнер создал в 1991 году.

**Московский хоровой театр Бориса Певзнера
2001 год.**

Солисты театра с руководителем (стоит в центре)

Нашу беседу с Борисом Самуиловичем я начал с вопроса:

– Я долго пытался сам себе ответить, что это такое – хоровой театр. И получился у меня в итоге такой внутренний диалог. Хор? Да. Театр? Да. Опера? Да. Концертное исполнение? Да. Импровизация? Да. Жанр? Любой. При этом возникает новое качество, которое и привлекает, а каждый номер программы, в полном смысле слова, – мини-спектакль.

–Хочу непременно добавить к сказанному, что костюмы отсутствуют, а из инструментов используется только фортепиано, причем, не в качестве традиционного аккомпанемента, но в качестве еще одного солиста в ансамбле. Наш хоровой театр – это подлинный ансамбль солистов!

– Есть ли еще такого рода коллективы в России?

– В России – точно нет, мы – единственное в своем роде, уникальное образование. Идея хорового театра возникла у меня очень давно, а в мае этого года мы будем праздновать свое десятилетие. Мы родились, когда, как говорил последний генсек, «процесс пошел». К сожалению, процесс ... разложения. Хоровые коллективы стали распадаться, либо выживать на попсе. Мы же в это время ... родились! Так что прошедшее десятилетие для нас – суммирование идеалов музыкальной классики XIX – XX веков.

По поводу наиболее удачного в репертуаре скажу так: мы ведь не поем однодневную, одноразовую музыку. Над чем в дан-

ное время работаем, то сейчас для нас – самое главное. И каждый раз это – другой, еще не освоенный нами пласт.

– Расскажите, пожалуйста, о специфике вашего репертуара. Что считаете наиболее удачным?

– Мы подготовили 25 концертных программ. Поверьте, это – не жадность. Это – попытки пробиться в несколько музыкальных галактик. Мы уверены, что хоровому театру подвластны все жанры! Многие – уже в нашем репертуаре: от камерного и оперного до сатиры и сарказма. Для нас главное – ЧТО поем и КАК поем! Не всеядность, а всекачественность, в основе которой – нравственно-художественный базис, созданный всеми культурами и всеми народами.

– Каков статус вашего театра?

– Мы – Московский хоровой театр при МГКО «Москонцерт», наш хозяин – правительство Москвы.

– Я уже понял, что ваш театр – созвездие индивидуальностей. Есть ли среди них поющие драматические артисты?

– Есть певцы-актеры, получившие музыкально-драматическое образование. В театре все они – солисты-ансамблисты.

– Как они уживаются? Есть ли конфликты или только творческие споры, связанные с дружной работой на общий результат под непререкаемым авторитетом руководителя?

– Начну с конца: если авторитет пререкаем, то результата не будет. За мной – репертуарная политика и индивидуальная работа с каждым исполнителем. Но это вовсе не исключает упорных поисков взаимопонимания. Главное – сверхзадача, плод вдохновения всего коллектива.

– Российские меценаты у вас есть?

– Увы, нет. Как нет и серьезной рекламы, внимания прессы, финансового хозяина. Вот, спасибо Словацкому культурному Центру, его директору Яну Коциану, любезно, на одном только доброжелательном к нам отношении, предоставившему свой уютный зал в наше распоряжение.

– Где вы репетируете?

– Нам везет на хороших людей. Художественный руководитель хоровой школы «Весна» Александр Сергеевич Пономарев в полной мере проникся тем, что мы делаем, и предоставил нам для репетиций свою базу около станции метро «Бабушкинская».

– *А на гастроли ваш театр выезжает?*

– Это происходит нечасто. Например, в этом году мы побывали в Костроме, Орле, Анапе. Два раза выезжали за рубеж – в Германию и Швейцарию.

– *Как вас там принимали?*

– Для западного зрителя наши «концерты в лицах» были открытием.

– *Московскую область тоже освоили?*

– Были только в Лыткарино. Я ведь не случайно сказал об отсутствии серьезной рекламы: нас в области мало знают.

– *Борис Самуилович, теперь, наверное, центральный вопрос нашей беседы. Какие задачи ставит перед собой ваш театр, для какой публики работает?*

– Каждая наша программа, каждый наш «концерт в лицах» – ответ на вопрос: можем ли мы противостоять крушению ценностей, накопленных Моцартом, Бетховеном, Чайковским, Шостаковичем... То, что мы творим в области вокально-ансамблевого музицирования, вы просто нигде не услышите. Нас мало. Мы – люди, которые не стали художественными пиарщиками. За счет того, что мы делаем, по крайней мере в нашей стране выжить невозможно.

– *При отсутствии настоящей поддержки это называется подвижничеством!*

– Не в названии дело. Теперь – о художественной вершине. Освоил – и постоянно ее защищай! Попсе ничего защищать не надо, на попсу работает время, которое при этом работает против классического ансамблевого музицирования. Вот этой разрушительной работе мы и пытаемся противостоять, работая и для детей, и для взрослых...

– *К слову сказать, я наблюдал в зале и тех, и других. Разница, по моему, в шуме аплодисментов: дети слабее физически и потому хлопают тише.*

– Сегодня ни один коллектив не использует форму музыкального абонемента, а мы используем детский абонемент. И каждый раз, когда я иду на воскресную программу (абонемент для детей в Словацком культурном центре – А.Л.), думаю, выдержат ли дети. Не в категориях «понравилось – не понравилось», а в смысле состояния детских душ. На них ведь буквально обвалилась эта пресловутая попса, на их детские уши и души! Резонанс детской души – это наша награда: ребенок вырастет, может быть,

даже забудет о нас, но зароненные в детские души семена обязательно прорастут!

– Для взрослого зрителя мы стараемся работать так, чтобы зал жалел о том, что актер кончает петь и вот сейчас уйдет. Когда это есть, значит, в зале достигнута эмоциональная температура, соответствующая соучастию слушателя! Такой зритель непременно захочет придти к нам еще и еще раз.

– Судя по тому, что я видел, такие зрители у вашего театра есть! От души желаю, чтобы их число росло. Надеюсь, что наша беседа этому тоже поспособствует. Спасибо вам за беседу.

В заключение я просто не могу не рассказать об уникальном спектакле хорового театра «Антиформалистический раёк» на музыку Дмитрия Шостаковича. Прекрасно отдаю себе отчет в том, что невозможно словами передать то, что надо слышать и видеть. И все же, из жгучего желания зафиксировать этот спектакль и вызванные им эмоции на бумаге, рассказываю о нем, как умею.

Сарказм Дмитрия Шостаковича

Однажды я попал на партийное собрание, имевшее быть в Словацком культурном центре и прошедшее в духе приснопамятных времен, когда «Ум, Честь и Совесть нашей эпохи», взвалив на себя непомерную ношу вдохновляющей и направляющей силы нашего общества, упорно вели нас к постоянно ускользающему светлому будущему. В повестке дня собрания значилась животрепещущая тема – «Реализм и формализм в музыке». На собрании присутствовали Московский «Хоровой театр Бориса Певзнера» и зрители, пришедшие на премьеру «Антиформалистического райка» Дмитрия Шостаковича.

«...Летом 1948 года, – рассказывает один из близких друзей Д.Шостаковича И.Гликман, – Дмитрий Дмитриевич по большому секрету, ибо это было сопряжено с большой опасностью, сыграл и спел мне пародийно-гротесковую пьесу по мотивам лезгинки и «Сулико» в сочетании с отдельными фразами, заимствованными из Постановления ЦК от 10 февраля...». А окончательно отредак-

тированную партитуру «Райка» композитор положил в стол почти двадцать лет спустя, в 1966 году.

Как рассказал во вступительном слове художественный руководитель и дирижер, заслуженный деятель искусств России, профессор Борис Певзнер, первое исполнение «Райка» состоялось лишь в 1989 году, причем, в Нью-Йорке. Он также отметил, что Дмитрий Шостакович «искренне верил не только в красоту, но и в мужество искусства». И тут Лауреат Всероссийского конкурса исполнителей русского романса Сергей Попов – ведущий партсобрания – грубо прервал маэстро и стремительно погрузил зрителей в атмосферу конца сороковых годов. Партсобрание началось.

Первым выступил И.С. Единицын (исполнитель Сергей Попов). Попыхивая трубкой и разгуливая по сцене, он с легко узнаваемым акцентом и апломбом обладателя истины в последней инстанции неторопливо рассуждал о том, что реалистическую музыку пишут народные композиторы, а формалистическую музыку пишут антинародные композиторы. В своих мудрых умозаключениях докладчик пошел дальше и задался вопросом, почему так происходит. Участникам партсобрания пришлось явно по сердцу слова И.С. Единицына о том, что народные композиторы пишут реалистическую музыку потому, что не могут не писать реалистическую музыку, тогда как антинародные композиторы пишут формалистическую музыку потому, что не могут не писать формалистическую музыку. Окончание выступления Музыковеда номер один потонуло в громе оваций, все встали: никто не хотел сидеть.

Музыковед номер два А.А. Двойкин (исполнитель опять Сергей Попов) солидаризировался с предыдущим оратором и подчеркнул, что цель его выступления – не вносить диссонанса. Он поразил всех глубиной своего анализа, придя к твердому убеждению, что лезгинка должна быть настоящей! И она так зажигательно зазвучала, что музыковед в штатском из Отдела Музыкальной Безопасности, стоявший у стены и державший под прицелом (своего взгляда) всех участников собрания, пустился в пляс, явно зарабатывая очередную звезду на скрытые под одеждой погоны.

Затем с мнением уже двоих выступивших ораторов согласился Д.Т. Тройкин (исполнитель все тот же Сергей Попов), настойчиво убеждавший всех, что у нас все должно быть, как у классиков, таких, например, как Глинка, Чайковский, Римский-

-Корсаков, которые очень и очень народу нужны. И все-таки главная мысль, которая как долго ни билась в его мозгу среди извилин, но наружу все же вышла, сводилась к фразе: «Бдительность – всегда, во всем!» Однако разошедшись не на шутку, он в своем рвении (возможно, неожиданно для самого себя) вдруг сбился на легкомысленный мотивчик чуждого пролетариату Жака Оффенбаха: «Смотрите здесь, смотрите там! Пусть будет страшно всем врагам!».

Если вам представится такая возможность, обязательно посетите это партсобрание, чтобы набраться надежды, что этого больше никогда не будет, кроме как в исполнении талантливого коллектива Московского «Хорового театра Бориса Певзнера»!

**«Игра в природу и в жизнь
кажется мне наиболее захватывающей»**

«Давайте сравним два произведения живописи – автопортрет А. Лактионова и автопортрет Б. Жутовского. Как бы иные ни думали и что бы они ни говорили по этому поводу, но для всякого здравомыслящего человека, обладающего неиспорченными вкусами, ясно, что картина

**Художник Б. Жутовский (справа)
на персональной выставке
с автором этой книги**

художника Лактионова привлекает своей человечностью и вызывает уважение к человеку. Смотришь на него, любишь им и радуешься за человека. А кого изобразил Б. Жутовский? Урода! Посмотрев на его автопортрет, напугаться можно. Как только не стыдно человеку тратить свои силы на такое безобразие! Как же так, человек закончил советскую среднюю школу, институт, на него затрачены народные деньги, он ест народный хлеб. А чем же он отплачивает народу, рабочим и крестьянам, за те средства, которые они затратили на его образование? За те блага, которые они дают ему сейчас – вот таким автопортретом, этой мерзостью и жутью? Противно смотреть на такую грязную мазню и противно слушать тех, кто ее защищает...» Так Н.С. Хрущёв сказал на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства 8 марта 1963 года.

Тремя месяцами раньше, 2 декабря 1962 года, при посещении руководителями КПСС и правительства выставки в Манеже, организованной Московским союзом художников (МОСХ) к его 30-летию, произошла встреча Н.С. Хрущёва с творцами искусства, названная остряками «Сотрясением МОСХа». Среди тех, кому тогда особенно «досталось», были скульптор Эрнст Неизвестный и художник Борис Жутовский.

14 декабря 2007 года Борису Иосифовичу исполнилось 75 лет. Сейчас он – один из признанных мастеров, его живопись включена в книгу «500 шедевров мирового искусства», его серия графических портретов современников (общим числом – 333) не имеет аналогов в отечественной графике последней трети XX века. 101 портрет из этой серии помещен в книге «Последние люди империи». О героях этой книги, представляющих интеллектуальный срез ушедшей эпохи, приведены и психологические литературные зарисовки самого Б. Жутовского. Так что «абстракционист» Жутовский предстает мастером и сугубо реалистическим.

Он сам говорит о себе, что не занимается ни концептуальными придумками, ни социально-политическими: они его не интересуют. «Игра в природу и в жизнь, – замечает Борис Иосифович, – кажется мне наиболее захватывающей. Земля, на которой живет человек, и сам человек – вот всё, что меня интересует. Но я никого не упрекаю за иное. Потому и существует человеческая культура, что она разнообразна».

К 75-летию Мастера в галерее «Романов» открылась его персональная выставка. Возвращаясь к «сотрясению МОСХа», надо сказать, что после первой встречи с Н.С. Хрущёвым всякая возможность участвовать в выставках живописи в СССР была для Жутовского закрыта. Широкий показ работ художника в галереях и музеях многих стран мира начинается лишь с 1965 года, после ухода Н.С. Хрущёва с политической сцены.

Я, однако, не зря сказал о первой встрече художника с Н.С. Хрущёвым, потому что была еще и... вторая. Б. Жутовский шел к ней более восьми лет. Она стала возможной благодаря двум обстоятельствам: вместе с женой Б.И. Жутовского работала внучка Н.С. Хрущёва, а Борис Иосифович на хулу бывшего «царя» ответил добром. Не отдавая себе полностью отчета в том, зачем он это делает, художник время от времени передавал Хрущёву через его

внучку свои работы. И эта «воспитательная мера» возымела действие: 17 апреля 1971 года опальный Н.С. Хрущёв пригласил Бориса Жутовского на свой 77-ой день рождения. На даче под Москвой, где безвыездно проживал Хрущёв, Жутовский увидел на стене одну из своих работ, а на прощанье произошло совсем уж неожиданное.

Жутовский вспоминает: «Мы стали прощаться. Он вышел с нами в переднюю. – «Вы, голубчик, не держите на меня зла, – заговорил он, не выпуская мою руку из теплых ладошек. – Я ведь как попал в Манеж и не помню. Кто-то завез. Я, конечно, не должен был ехать, я ведь попал не как зритель, а как премьер-министр. Нет, я не должен был ехать. Да, орал я там на вас, но ведь как вышло: кто-то из художников больших тут стоял и говорил: «Сталина на них нет». Так это меня разозлило – я и стал орать. Хотел на него, а вышло на вас. Ну, а потом люди воспользовались...»

В книге «Последние люди империи» Борис Жутовский пишет, что «вся эта свистопляска с культурой затеяна была Ильичевым, чтобы перебраться из секретарей ЦК в Политбюро. Он и подставил «деда» в Манеже. Затем уж это разрослось в идеологические застолья под стерляжью уху с разносом и живописи, и литературы, и кино, и театра. И глумлением над Эренбургом, Алигер, Вознесенским, Аксёновым».

Завершились взаимоотношения Жутовского с Хрущёвым совершенно непредсказуемо: он стал соавтором Эрнста Неизвестного по проекту памятника Н.С. Хрущёву на Новодевичьем кладбище.

В заключение – несколько слов об увиденном на выставке, приуроченной к 75-летию Жутовского. Многие работы художника притягивают своей необычностью, оригинальными цветовыми и пространственными решениями, как будто творец-художник зафиксировал некие физико-химические процессы, протекавшие под его неусыпным оком. К творениям Жутовского хочется возвращаться вновь и вновь, каждый раз унося какие-то новые, порой трудно формулируемые впечатления. И мне в очередной раз подумалось, что между абстрактным и конкретным нет осязаемой границы. Достаточно, например, посмотреть на фотографии, сделанные из космоса, чтобы понять, что в нашей жизни абстрактное – в конкретном и конкретное – в абстрактном.

**«ПАРИЖАНКА»
АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВНА**

Я окончил Калининградскую среднюю школу №1 в 1954 году. Начиная с пятого класса, учила меня немецкому языку Александра Васильевна Корваль. По молодости лет я и мои одноклассники не осознавали, но чувствовали, что Александра Васильевна – Личность! И только теперь, спустя полвека, случайно приоткрылась мне необычная судьба этой замечательной женщины. Вот что узнал я от ее внучки Ольги Всеволодовны.

Пунктир жизни

Александра Васильевна Арсентьева родилась в 1888 году в городе Киржач Владимирской губернии в семье фабриканта. Отец, Василий Иванович Арсентьев, владел в Киржаче шелковыми фабриками, которые и теперь составляют заметную часть промышленности города. Мать, Александра Ивановна, как водилось в ту пору, отдавала себя детям. Их в семье было трое – Коля, Оля и Александра (самая младшая). Отец умер рано, в 1915 году, и завещал дело сыну. Однако Николай не хотел заниматься фабричным делом, его всегда тянуло к театру. Он даже брал уроки у актрисы Малого театра Варвары Николаевны Рыжовой. На актрисе он и женился. Делами же фабрики занимался нанятый управляющий. После окончания Рижского Политехнического института Николай работал Главным инженером на заводе в Тбилиси. Жизнь его оборвалась трагически в 1938 году: советская власть не могла ему простить его купеческого происхождения. По этой

же причине погиб и родной брат отца, дядя Александры Михаил. Но это все было много позже. А детство Александры прошло в достатке и благополучии. Семья имела дома в Киржаче, в Москве и роскошную дачу под Киржачом. И только ранняя смерть сестры Ольги в 1908 году омрачила жизнь семьи.

В 1913 году Александра поступает в Санкт-Петербургский институт благородных девиц. Внучка Ольга Всеволодовна показывает мне фотографию своей бабушки той поры: прелестная девушка с роскошной косой и пышным бантом на голове. На обороте фотографии Александрой аккуратно написано: «В год поступления в институт. 1913 год, 1-ый курс». Тридцать семь лет спустя она будет учить меня немецкому языку. Какой же пожилой нам казалась эта учительница, которой было уже за шестьдесят. Сегодня я гляжу на фотографию 1913 года и узнаю в ней облик и милую улыбку нашей Александры Васильевны.

Как удалось девушке из провинции, пусть и из богатой семьи, поступить в столь привилегированный институт, моя рассказчица Ольга Всеволодовна не знает. Со слов бабушки она рассказала мне, что институт был строгих правил. Регламентировалось буквально все. Например, от воспитанниц требовали спать только на спине, руки должны были быть поверх одеяла, и даже тапочки – стоять в строго определенном месте. Обучали в институте благородным манерам и многим языкам. Языками Александры стали французский и немецкий, которыми она овладела в совершенстве.

Ученье в институте продолжалось четыре года. А незадолго до окончания института увидел Александру на балу действительный статский советник, член Попечительского совета института Николай Генрихович Пезе-де-Корваль – обрусевший француз. Что и говорить, был у Александры Васильевны шарм. Да и ученье в институте, конечно же, сказалось. Так или иначе, но Николай Генрихович, имевший к тому времени сына, не намного младше Александры, стал активно за ней ухаживать. Ухаживания закончились их женитьбой в начале 1917 года, сразу же после того, как Александра закончила институт. Как рассказывала Александра Васильевна своей внучке, мать была против этого брака и полагала, что, будь жив отец, он бы этому браку воспрепятствовал. Однако же молодожены жили – не тужили. Николай

Генрихович был состоятельным человеком, имел даже такую в те годы редкость, как служебный автомобиль. А в семейном архиве сохранилась фотография начала 1917 года (до революционных событий), где Александра Васильевна стоит рядом с их породистой лошадью, которая вскоре пала на бегах.

После революционных событий все благополучие семьи рухнуло. Фабрики и дом в Киржаче отобрали. Мать Александры Васильевны, чтобы заработать на жизнь, пошла в воспитатели детей из рабочих семей, поселившись в бывшем ее доме. Лишился всего и Николай Генрихович Корваль. В начале 1918 года супруги делают попытку уехать из страны. Они двинулись на юг. Однако в Ростове их обокрали до нитки. И здесь между супругами произошла, видимо, крупная размолвка. Николай Генрихович остался в Ростове (где нашел работу и проработал до своей смерти в 1926 году), а беременная Александра Васильевна подалась в Воронеж к хорошим друзьям отца. Здесь в мае 1918 года она родила сына Всеволода, которого всю жизнь называла Воликом.

Через некоторое время молодая мать с сыном перебираются в Киржач. По-видимому, в начале 20-х годов «р-р-революционный» порядок помещает ее в ... тюрьму города Александрова (принадлежавшего тогда Владимирской губернии, как и Киржач). Не посчитались даже с тем, что у нее был маленький сын. В тюрьме Александра Васильевна проводит целый год, а Волик живет все это время в семье ... рабочих фабрики, принадлежавшей ранее его деду. Рабочие приютили ребенка, видимо, в благодарность за «эксплуатацию» на фабрике деда. Это была первая и единственная репрессия, которой подверглась Александра Васильевна за свою жизнь. Но боязнь репрессий осталась у нее до конца дней. Да и Лубянка не оставляла ее своим вниманием. Очень скупко рассказывала она своей внучке, что не раз и не два ее вызывали ТУДА в 30-е годы и расспрашивали о парижских сестрах покойного мужа, которые писали письма с приглашениями приехать в гости. Письма, которые Александра Васильевна получала, конечно же, после того, как с ними знакомилась чекисты.

Время шло. Волик подрастал. Отца он увидел шести лет от роду в первый и последний раз в Москве, куда в 1924 году, незадолго до смерти, приехал Николай Генрихович, и куда Александра Васильевна привезла из Киржача сына.

Как выживала Александра Васильевна с малым сыном, неизвестно. Видимо, Торгсин помог: с приходом НЭПа появилась возможность продавать остатки былой роскоши – фамильные драгоценности. Намек на это угадывается в случае с Воликом, о котором он сам позднее рассказал своей дочке. Было это, видимо, в 1924 году. Он играл в «кубики», сильно грязные, но ...золотые. А мимо проходил крестьянин с жеребенком. Приглянулся Волику этот жеребеночек, а крестьянину, видать, «кубики» понравились... И «торг» состоялся: радостный Волик привел домой жеребенка, а крестьянина с «кубиками» и след простыл.

Как оказалась Александра Васильевна в Подлипках неизвестно. Сначала она преподавала немецкий язык в ФЗО, а потом, с первого года образования, в средней школе №1, что на улице Октябрьской. Жила она тогда в коммунальной квартире в одном из двухэтажных домов, расположенных рядом с Ярославской железной дорогой в районе Лесотехнического института.

Здесь, в Подлипках, Александра Васильевна прожила безвыездно до ухода из жизни в 1975 году в возрасте 86 лет. Ушла она быстро, и практически до последних дней мужественно избегала обременять близких. Перед началом войны в 1941 году она взяла к себе из Киржача престарелую мать, которую схоронила трудной зимой 1942 года. Да так, что летом, когда березы, замеченные ею на похоронах, оказались вырубленными на дрова, могилу матери она найти не смогла. Сын Всеволод в конце войны окончил МИХМ в городе Кирове, куда был эвакуирован институт, и там же некоторое время работал на заводе по распределению. Позднее Всеволод Николаевич Корваль стал известным специалистом на фирме С.П. Королева, теперешней РКК «Энергия».

Учитель с большой буквы

Ее первый урок немецкого языка в нашем классе я помню до сих пор. Пришла на редкость энергичная учительница, не дававшая нам отвлекаться ни на минуту. В левой руке она держала игрушечную обезьянку, а в правой игрушечную ворону. Попеременно их поднимая, она требовала от нас, чтобы мы хором произносили по-немецки: *der Rabe* (ворона), *der Affe* (обезьяна). Как в общем хоре она различала голоса отдельных учеников, я не знаю.

Но только выдергивала из-за парты то одного, то другого и корректировала произношение: дэр раабэ (протяжно), дэр аффэ (коротко). Так начали мы осваивать немецкий язык. А сколько темперамента вкладывала Александра Васильевна в то, чтобы слово из трех букв – *ist* – звучало, действительно, по-немецки! А мы все, ну, никак не могли освоить эту премудрость: кто-то выдавливал из себя «ы-ы-ы-ст», кто-то – чересчур мягко «ист». А надо было найти золотую середину, хоть лопни! Как будто нас готовили в шпионы на немецкой земле.

Каждую новую четверть Александра Васильевна начинала с заявления, что она все проанализировала, и теперь будет учить нас по-новому. Это означало, что теперь и вовсе манкировать на уроке она никому не даст.

И мы работали в поте лица. Однако же, при всей строгости Александры Васильевны, она первая смеялась и мы все за ней случавшимся нелепостям. Помню, однажды, она попросила придумать пример на пройденное правило. И один из нас выдал: «*Direktor besucht oft den Kabinet*». Откуда было знать ученику, что «Кабинет» по-немецки – не рабочее помещение, а ...туалет, который, как получилось в примере, часто посещает директор.

Энергия и настойчивость Александры Васильевны делали свое. Многие из нас легко выполняли на немецком языке грамматический разбор предложения, могли пересказать прочитанное и так далее. Потом все годы обучения в МВТУ я «ехал» на багаже, полученном в школе, легко справляясь с бичом большинства студентов – «тысячами». А когда однажды в ВУЗе я опоздал на урок немецкого языка и, войдя, непринужденно, как само собой разумеющееся, произнес: «*Darf man hinein?*» (можно войти?), преподаватель посмотрела на меня с большим уважением. Надо ли говорить, что в приемных комиссиях московских ВУЗов учеников Александры Васильевны узнавали безошибочно?!

Ольга Всеволодовна рассказала мне, что некоторые из учившихся до войны у Александры Васильевны и прошедшие фронт говорили, что могли без труда общаться с пленными немецкими солдатами. Ее учениками были известная позднее в городе учительница немецкого языка Марья Осиповна Бродская, жена Королева Нина Ивановна и многие другие, всегда вспоминавшие Александру Васильевну с большой благодарностью и даже восторгом.

В 1957 году Александра Васильевна ушла на пенсию. Но до последних дней жизни она давала уроки немецкого языка у себя дома. И делала это не столько для заработка (о ней говорили: самая лучшая преподавательница и самая дешевая), а для поддержания жизненного тонуса. Без этого она просто не могла.

И в заключение – несколько слов о ней, как о человеке, как о женщине. Александра Васильевна истово следила за модой. Я помню, как однажды она, которую мы считали старушкой, пришла на урок в юбке с разрезами по бокам, как тогда стали носить молодые девушки. Теперь-то я понимаю, что те формы, в которых она себя держала все годы, позволяли ей сделать это со вкусом. Посмотрите на эту милую женщину, сидящую на скамейке в санатории «Подлипки» (снимок 1951 года, где ей 63, приведен в начале очерка). Нужны ли еще комментарии? Здесь же, в санатории, спустя два года Александра Васильевна близко сошлась с народной артисткой СССР В. Рыжовой. Выяснилось, что брат Александры Васильевны Николай брал театральные уроки именно у нее. На обороте фотографии Варвара Рыжова написала: «Чудесному, чуткому человеку, очаровательной женщине Александре Васильевне Корваль в память нашей незабываемой встречи в «Подлипках» с глубокой благодарностью за доброе и ласковое отношение. Народная артистка СССР В. Рыжова. 18.VI.1953».

Раиса Дмитриевна Бережная, преподаватель химии и завуч школы №1, рассказала мне, что Александра Васильевна была хорошо знакома также с актрисами Малого театра Верой Пашенной и Еленой Гоголевой, которые считали ее своей и звали Саней Корвалевой. Не раз Александра Васильевна вывозила в театр Раису Дмитриевну, в том числе и с ее классом.

Помню я также и рассказ моей мамы, которая достаточно близко знала Александру Васильевну (мы жили в одном доме на теперешней улице Циолковского). Мама спросила у нее однажды, как ей удастся следить за модой. И Александра Васильевна ответила: «Но ведь я же – парижанка!»

На этом я и закончу рассказ о дочери фабриканта, труженице, кавалере ордена Трудового Красного знамени (1951 г.) и ордена Ленина (1952 г.), «парижанке» Александре Васильевне Корваль.

КАЖДЫЙ ВЫШИВАЕТ ПОЛОТНО СВОЕЙ ЖИЗНИ

В 2002 году в Париже прошел международный конкурс вышитых картин «Любимые сюжеты», организованный ООО «РТО ЛТД» (Россия), фирмой ДМС (Франция) и Фондом народных художественных промыслов Российской Федерации.

Первое место и приз – поездка в Париж на двоих – были присуждены А. И. Головкину (г. Королёв) за работу «Охота на кабана».

С его творчеством познакомились те, кто посетил выставку вышитых картин, составленную из работ победителей и участников этого конкурса, который прошел в Москве в октябре 2002 года, а также те, кто пришел на выставку «Весна-2007. Женский взгляд» в Историко-краеведческом музее г. Королёва.

С Александром Ивановичем и его женой Татьяной Дмитриевной я встретился в их квартире в микрорайоне Текстильщик. И во всё время нашей беседы меня не оставляла мысль: жизнь Александра Ивановича была как бы выстроена провидением таким образом, чтобы он пришел к Гран-при, но непременно через преодоление себя во многом. Создавалось такое впечатление: ничто в его жизни не было случайным.

В комнате, наполненной его работами, где мы беседовали, я увидел нечто похожее на мольберт с натянутым полотном и фрагментом очередной вышиваемой картины. Из ткани торчали многочисленные разноцветные нити, а рядом лежал непонятный листок бумаги. Оказалось, что это – схема разводки нитей, к которой прилагается еще расшифровка цвета. Как мне объяснил Александр Иванович, вышиваемая картина разделена на 91 квад-

рат, в каждом из которых еще множество точек, и каждая точка отображена на схеме разводки с расшифровкой цвета. Так что самому процессу вышивания предшествует еще долгая, кропотливая подготовительная работа. В западных странах (Голландии, Франции и других) схема разводки и расшифровка цвета выполняется на компьютере. Сама же техника вышивания называется шпалерой, или гобеленной.

Но прежде чем достичь всего этого, пришлось Александру Ивановичу пройти через многие испытания.

Он появился на свет слабеньким мальчиком, когда родители были уже немолоды (матери – 45 лет, отцу – 57). И отец, мужчина жестких правил, не видевший в сыне человека спортивного, решил его закалять: в одних трусах, босиком Саша бегал зимой по снегу. Закалка кончилась хроническим простудным заболеванием. А мальчику хотелось быть как все: играть со сверстниками летом в футбол, зимой – в хоккей.

Но в какую бы секцию отец ни определял сына, нигде он не приживался: на турнике висел, как селедка, в хоре тоже не сумел удержаться из-за полного отсутствия музыкального слуха.

В итоге мальчик оказался в кружке кройки и шитья – мама работала на фабрике в три смены и часто оставляла сына в клубе под присмотром посетительниц кружка. И долгие зимние вечера Саша, не будучи надоедливым, проводил здесь. Преподавательница кружка показала мальчику, как вышивать.

И надо же, отец Саши заинтересовался вышивкой, кройкой и шитьем тоже! Увлеченность отца и сына крепла и однажды, выделив скудные средства из семейного бюджета (на школьную форму и ботинки Саша зарабатывал летом в санатории поселка Лесные Поляны), отец и сын отправились в московский «Детский мир», где впервые увидели хорошие нитки. Там же на глаза им попала репродукция картины «Три богатыря». И отец тут же загорелся вышить эту картину! Истратились и на нитки, и на пальцы, и на репродукцию. Да вот незадача: материал купить забыли! Выручила мама, которая с этого момента ухитрялась находить старые льняные скатерти и тряпки. Резать скатерти на пробы, эскизы было жалко, и Саша тренировался на всём, что попадалось под руку. В итоге он понял: пока не подготовишься к настоящей работе, толку не будет!

Примером такого отношения к труду был для него отец, последняя работа которого, сшитая и вышитая им скатерть конца 50-х годов, хранится до сих пор как семейная реликвия.

Достигнув определенных успехов, Саша принял участие в школьной выставке, представив около 30 своих работ.

Несмотря на явный успех, его не перестали дразнить «девчонкой», а друзья-шестиклассники даже обвинили в мещанстве. И мальчик забросил свое увлечение, решив заняться общефизической подготовкой. Его целеустремленность и настойчивость принесли свои плоды: в итоге он дошел до участия в юношеской сборной по футболу.

После окончания поселковой семилетки Саша поступил в ремесленное училище на специальность «автослесарь».

– Учился я здесь не просто среди шпаны, а прямо-таки с бандитами... – вспоминает он. – Дрались частенько. И надо было уметь себя защищать.

Так что спорт, общефизическая подготовка в ремесленном училище Сашегодились. Училище он закончил с двумя четверками (остальные – пятерки) и рвался к работе с автомашинами. Но в 1962 году отец привел сына работать в Подлипки на ЗЭМ, где его определили в цех слесарем-ремонтником деревообрабатывающих станков. Он попал в среду опытных слесарей, которые многому его научили.

– До сих пор вижу, скорее, по памяти через руки, верно ли человек затачивает сверла, – вспоминает Александр Иванович.

Два года работы в цехе, до ухода на службу в армию, юноша занимался ремонтом всех деревообрабатывающих станков предприятия, включая трофейные немецкие. Они работали лучше советских, и с ними не хотели расставаться. Если детали выходили из строя, Саша сам делал чертежи и изготавливал их на станках.

– Я завод вспоминаю с огромной любовью, – говорит он, – и научился там работать на многих станках.

Неудивительно, что после службы в армии за молодого человека буквально ухватился начальник цеха деревообработки. И это понятно: за время службы Саши «старая гвардия» отправилась на пенсию, и такой универсал, как Саша, был идеальным наставником для молодых рабочих.

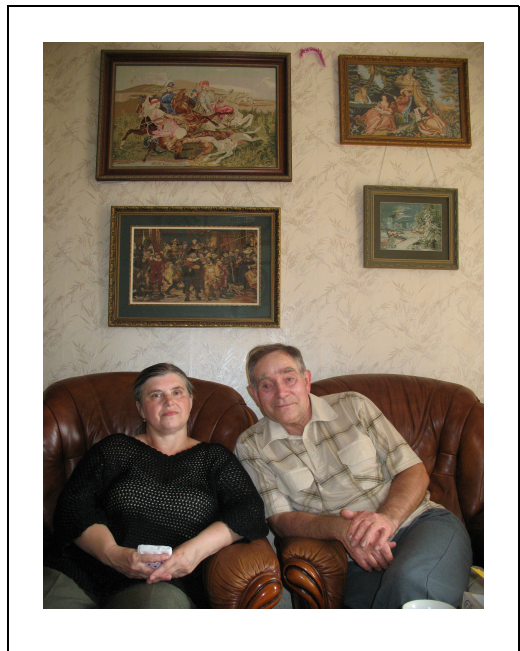

В этот же период встретил Александр свою любовь – Татьяну Дмитриевну, которая, однако, дала свое согласие на брак с условием, что Саша поступит в институт. Пришлось ему перейти работать с производства ЗЭМ в отдел ЦНИИмаш. Здесь была возможность поступить на вечернее отделение МГТУ им. Баумана. И снова – преодоление себя. Но настойчивость и терпение делают свое дело. В итоге, по мере перехода с курса на курс, Александр Иванович продвигался, начав со слесаря-испытателя и закончив инженером.

После окончания вуза он переходит работать в специализированное управление, где занимается разнообразными сложными системами жизнеобеспечения пусковых шахт. Работа специфическая во многих отношениях, в том числе и по режиму пребывания в семье: девять месяцев в году – командировки. Короче говоря, деньги есть, дома – нет!

Терпеливая жена убедила мужа, что семья – важнее. И тут снова «случайная необходимость»: гостиничный комплекс «Космос» на проспекте Мира нуждался в специалисте по системе жизнеобеспечения. Конечно же, Головкин стал для «Космоса» находкой, сначала как мастер по вентиляции, а потом как начальник цеха по вентиляции и кондиционированию всей гостиницы. Зарекомендовал здесь себя Головкин так, что французы, строившие гостиницу, настояли, чтобы Александр Иванович участвовал в приемке и пусконаладочных работах всего комплекса.

Внимательный читатель, конечно же, заметил, что мы постепенно и незаметно ушли от увлечения Головкина вышивкой, с которой начали наш рассказ, и ждет возвращения к ней.

Супруги Татьяна и Александр Головкины

Возвращение, действительно, состоялось, но было драматическим. В гостинице «Космос» случился пожар, в результате которого Головкин получил ожог обеих кистей рук III степени и почти год лечился. В результате пальцы потеряли чувствительность и не шевелились. И тут сработало спасительное чутье Татьяны Дмитриевны – она поняла необходимость упражнений для пальцев и убедила мужа: «Бери иглу! Ты же вышивал!» Так на новом этапе жизни Александр Иванович начал восхождение к своему триумфу в Париже...

– Когда я вечером возвращаюсь с работы усталый, – говорит мне на прощанье Александр Иванович, – и сажусь за вышивку, то забываю всё на свете. Я погружаюсь в мир прекрасного, в мир совсем других ценностей и получаю громадную эмоциональную подпитку, положительные эмоции, которые так необходимы для нашей непростой жизни!

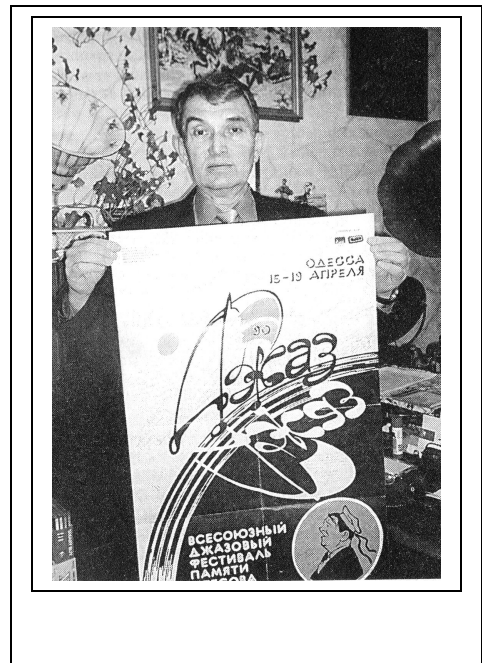
Коллекционер, подвижник, тонкий знаток эстрады

Внезапный уход из жизни Валерия Дмитриевича Сафошкина в 2006 году почувствовали миллионы телезрителей, все те, кто постоянно смотрел по каналу «Культура» передачу «Романтика романса». Исчезли шарм передачи, тепло и доброжелательность человека, неповторимо рассказывавшего о звездах Эстрады (с большой буквы).

Я не могу причислить себя к его давним приятелям, но те несколько последних лет знакомства, когда мы время от времени общались, стали для меня драгоценным жизненным приобретением: Валерий Дмитриевич не только желал добра другим, но и всячески стремился множить его вокруг себя.

В квартире коллекционера

Я узнал о коллекционере грампластинок Валерии Дмитриевиче Сафошкине из публикации в «Независимой газете», в далёком 1998 году. Стало обидно, что рядом живет такой интересный человек (он – в Мытищах, я – в Королёве), о котором до сих пор ничего не знал. В редакции «Независимой газеты» мне сообщили домашний телефон Сафошкина. На мой звонок к нему и просьбу о встрече для подготовки статьи Валерий Дмитриевич ответил не просто согласием, а весьма доброжелательно и заинтересованно. Чувствовалось его стремление сделать свою уникальную коллекцию достоянием как можно большего числа людей. И вот я в скромной квартире подлинного коллекционера. Из угла комнаты на меня смотрит красная труба

граммофона, рядом – большая тумба-граммофон, принадлежавший... Шаляпину. На столе – настольная лампа, при свете которой... написал своих «Трех толстяков» Юрий Олеша. Вся стена напротив увешана фотографиями знаменитых певцов, многие – с автографами, адресованными хозяину квартиры. И – шкафы, уставленные бесчисленными папками с широкими корешками. В них хранятся... около 17000 пластинок. Среди них – первые российские пластинки, производство которых началось в самом конце XIX века.

Такое бывает: мы как-то сразу почувствовали взаимное дружеское расположение и непринужденно беседовали около трех часов. Валерий Дмитриевич рассказал мне, с чего началось увлечение, ставшее со временем делом всей его жизни.

А начиналось это так...

Родители Валерия привезли с фронта патефон и десять пластинок. Для мальчика это было великое удовольствие – крутить пластинки, слушать Русланову, Утесова. Валерий очень полюбил эти песни, особенно Утесова. К началу шестидесятых (Валерий родился в 1945 году в кубанской станице) коллекция состояла приблизительно из тысячи пластинок, что по местным масштабам было очень много.

В 1961 году Сафошкин поехал учиться в Ленинград. Там он познакомился с Утесовым, рассказал о своем увлечении, отметив, что собрал много и утесовских пластинок. Леонид Осипович тут же поинтересовался, есть ли у него наиболее редкие записи: «Гоп со смыком», «С одесского кичмана», «Барон фон дер Пшик». Услышав утвердительный ответ, знаменитый артист похвалил: «Вы посмотрите, такой молодой, а знает больше музыкантов моего оркестра!»

Затем последовало еще одно событие, способствовавшее росту его собрания. Коллекционеры города создали так называемую Секцию любителей эстрады. Ее возглавлял Аркадий Исаакович Райкин, а заместителем был Василий Васильевич Меркурьев. В 1971 году секция поручила Сафошкину и его другу, коллекционеру Николаю Калмыкову, сделать вечер звукозаписи, посвященный Александру Николаевичу Вертинскому. Вечер прошел в ДК им. Ленсовета. Калмыков вел первое отделение о творчестве Вертинского в

России и эмиграции, Сафошкин – о 14-летнем периоде после возвращения певца в СССР. В зале сидела вся живая театральная энциклопедия. Когда Валерий вышел во втором отделении, ноги у него от волнения подкашивались. Рассказ о Вертинском они с Николаем иллюстрировали звукозаписями из своих коллекций. Был большой успех. В конце на сцену поднялся Райкин, сказал слова благодарности и подарил ведущим свои книжки. После этого вечера Сафошкин стал много выступать по радио, делать концерты, рассказывать о забытых мастерах эстрады.

Коллекция должна быть действующей

Такой принцип стал стилем жизни Валерия Сафошкина. Коллекционер в его представлении – не скупой рыцарь, а хранитель и популяризатор национальных ценностей. Как руководитель Центра возрождения и пропаганды историко-культурного наследия Отечества и журналист, заслуженный работник культуры России и заслуженный деятель искусств Российской Федерации (к слову сказать, единственный из коллекционеров, носящий эти звания), он плодотворно работал для сохранения музыкальной и песенной культуры первой половины XX века. В его коллекции в полном объеме зафиксировано мастерство лучших отечественных вокалистов, в разные годы прославивших русскую оперную и эстрадную сцены. В их числе – Ф. И. Шаляпин, В. В. Панина, Л. В. Собинов, Н. В. Плевицкая, А. В. Нежданова, А. Д. Вяльцева, А. М. Давыдов, А. Н. Вертинский, Л. О. Утесов, Л. А. Русланова, К. И. Шульженко, С. Я. Лемешев, Г. П. Виноградов, И. С. Козловский и многие другие.

Уникальное собрание фонодокументов зарегистрировано в Международной ассоциации музыкальных собраний. На основе личной коллекции В. Д. Сафошкина фирмой «Мелодия» и другими музыкальными издательствами мира выпущено более ста грампластинок и компакт-дисков с голосами незаслуженно забытых корифеев русской сцены. В том числе не издававшиеся ранее редкие записи Л. Руслановой, А. Вертинского, Ф. Шаляпина, И. Юрьевой, В. Козина, Т. Церетели, А. Погодина, Г. Виноградова, первых отечественных джазовых оркестров, полные собрания записей Л. Утесова и П. Лещенко, записи богослужений, проходив-

ших в храме Христа Спасителя в 1912–1915 годах, песни, посвященные Москве (к 850-летию города), и многое другое. Музыкой из собраний В. Д. Сафошкина в разные годы были озвучены спектакли Театра кукол С. Образцова, театров им. Е. Вахтангова, Драмы и комедии на Таганке, Большого и Малого театров, спектакли, поставленные на сценах Волгограда, Хабаровска, Свердловска, Ростова-на-Дону, а также десятки кино- и телевизионных фильмов.

В 2000 году Валерий Дмитриевич снялся в кинофильме «Родной мой жаворонок», о Надежде Плевицкой. Как журналист В. Д. Сафошкин более четверти века выступал в радиопрограммах «Музыкальная панорама «Маяка», «Старый граммофон», «Родное-далекое», «Душа тебе по-прежнему верна», «Диапазон», «Москва и москвичи», был в течение многих лет автором и ведущим телепрограммы «Звезды на 78», участником практически всех ретро-программ российского телевидения.

С 1998 года В. Д. Сафошкин написал и выпустил в издательстве «Эксмо-Пресс» книги: «Гори, гори, моя звезда», «Не уходи, побудь со мною» об истории русского романса и знаменитых исполнителях этого жанра, книги о корифеях российской эстрады: «Любовь нечаянно нагрянет», «Сердце, тебе не хочется покоя», а также книги: об Иосифе Кобзоне «Я песне отдал всё сполна», об Анастасии Вальцевой «Под чарующей лаской твоею» и «Леонид Утесов».

В этих изданиях впервые опубликованы изыскания В. Д. Сафошкина по восстановлению дискографий (полного перечня записей на грампластинки) тридцати ведущих мастеров эстрады первой половины ушедшего века. При этом автору удалось установить точные даты каждой записи, наименования звукозаписывающих фирм, авторство произведений, записанных на граммофонные диски. Эти книги рекомендованы в качестве учебных пособий для студентов творческих вузов, они высоко оценены работниками музыкальных архивов и искусствоведами. В. Д. Сафошкин был членом авторских коллективов по подготовке «Энциклопедии российской эстрады» и «Всемирной эстрадной энциклопедии». Его имя занесено в энциклопедию «Эстрада России». В феврале 2000 года коллекция Сафошкина, отражающая историю грамзаписи России, экспонировалась на первой Международной выставке

российской звукозаписывающей индустрии, прошедшей в Центральном доме художника.

О научно-изыскательской и пропагандистской работе Сафошкина в области искусства снята серия телевизионных фильмов и две документальные кинокартины, он был удостоен бенефиса в ЦДРИ, о его подвижнической деятельности опубликованы десятки статей в центральной прессе.

Всё это я узнал, естественно, много позднее. А тогда, при нашей первой беседе, Валерий Дмитриевич с гордостью рассказал мне, что при его активном участии имя Утесова присвоено одной из улиц Одессы и открыт туристический маршрут «Утесов в Одессе». Кстати, сам он был первым экскурсоводом этого маршрута. Сафошкин помог Александре Стрельченко сделать программу, посвященную Надежде Плевицкой, открыл театральной публике талант молодого певца из Санкт-Петербурга Олега Погудина, который был некоторое время ведущим телепрограммы «Романтика романса» и неоднократно выступал с концертами в городе Королёве. Валерий Дмитриевич помог пробиться исполнителям трио «Реликт» и «Грант».

Чудаки и энтузиасты

Да, коллекция Сафошкина работала и работает. Но могла бы работать еще больше, если бы коллекционирование на Руси не было уделом чудаков и энтузиастов. Это одному из них, Валерию Сафошкину, посвятил шуточное четверостишие Георгий Териков:

*Пластинок дома тысяч сто,
И ходит слух давно в народе,
Что у него есть даже то,
Чего нет вообще в природе!*

С горечью говорил мне Валерий Дмитриевич, что фонофонистов на всю страну осталось не более ста. Их коллекции гибнут, бесследно распыляются. О невнимании к коллекционерам фонодокументов свидетельствует такой факт. Будучи членом Международной ассоциации музыкальных собраний (кажется, единственным в России), Сафошкин был приглашен летом 1998 года в Сиракузы на съезд ведущих коллекционеров мира. Но

поехать не смог, так как такая поездка за свой счет оказалась пенсионеру не по карману. А больше это никому не нужно. А ведь коллекционирование грампластинок имеет у нас в России особое значение. Наши государственные архивы звукозаписи зачастую беднее личных собраний. Центральный архив фонодокументов не имеет полного собрания ни одного дореволюционного исполнителя. Коллекционеры же – люди упрямые. Уж если он знает, к примеру, что до революции кумир эстрадных подмостков Юрий Морфесси записал 38 пластинок, то в доску разобьется, но они будут у него в собрании, чего бы это ни стоило. К этому надо добавить, что государственные архивы периодически подвергались чистке. Во времена Сталина «вычищали врагов народа», во времена Хрущева изымали всё, связанное со Сталиным, и так далее, а на коллекционеров эти черные списки не действовали. Естественно, что при таком подходе наши государственные архивы оскудели.

И сейчас, когда есть возможность восстановить многие незаслуженно забытые голоса корифеев отечественной эстрады, госархивам стоит больше контактировать с коллекционерами в работе по пополнению своих фондов.

Валерий Дмитриевич упомянул о международной ассоциации музыкальных собраний. Членом ассоциации стать совсем не просто. Сначала к нему в гости приехал руководитель этой организации Майкл Билл. Приехал, согласно расписанному по минутам дню, в 11 часов на 40 минут, а проводили его с женой на электричку в... 23 часа. Он отменил все свои запланированные визиты и целый день снимал своей видеокамерой кинофильм о коллекционере и его коллекции. Этот фильм сделал Валерия Сафошкина популярным в США.

Возраст и тираж

Я попросил Валерия Дмитриевича сказать несколько слов о самых любимых записях, самых редких. Центральной темой коллекции он считает все записи Утесова вместе с записями Шульженко, Козина, Вертинского. Вообще же, у коллекционеров, помимо личных пристрастий, есть еще два критерия: возраст пластинки и тираж.

Упомянул он и о магнитофонных записях, дополняющих коллекцию. Вспомнил о коробках с пометками «На концертах Утесова». Сафошкин бывал на многих его концертах и всячески стремился сделать записи. Договаривался со звукооператором, платил ему, затем после концерта забирал пленку.

Валерий Дмитриевич дружил с замечательным артистом-чтецом Сергеем Михайловичем Балашовым, который тоже увлекался записями. В частности, только им был записан на магнитофон Борис Пастернак. Теперь оригинал этой записи хранится у Сафошкина.

Как-то Балашову удалось встретиться с личным шофером царя Николая II и записать его воспоминания. Эта запись теперь в коллекции Валерия Дмитриевича.

Несмотря на полувековую разницу в возрасте Леонида Утесова и Валерия Сафошкина, их связывали теплые человеческие отношения. Я попросил Валерия Дмитриевича вспомнить какой-нибудь эпизод из общения с Леонидом Осиповичем.

Юмор всегда сопровождал Утесова, был философией жизни этого мудрого человека. Однажды, еще в те годы, когда проводились смотры-конкурсы армейских талантов, Сафошкин был членом жюри, а Утесов – его председателем. И надо же, что именно в эти дни Сафошкин получил распоряжение прибыть на плановую диспансеризацию. Естественно, он пошел за разрешением к Утесову. Выслушав Сафошкина, Утесов сказал: «Вы же – кровь с молоком! Это у меня – кровь с сахаром!» И на диспансеризацию не отпустил.

Р. S. Время от времени я открываю последнюю книгу Валерия Сафошкина «Леонид Утесов», с которой, только что вышедшей, приехал к нему в гости. Валерий Дмитриевич считал ее делом всей своей жизни, ибо обещал написать ее самому Леониду Осиповичу. Увы, это была наша последняя встреча. Я открываю эту книгу, смотрю на автограф и думаю о том, что всё остается людям, и что все мы живы, пока о нас помнят!

ШЕСТЬ УВЛЕЧЕНИЙ ЛЬВА КАДУШИНА

Лев Маркович Кадушин – человек поистине уникальной судьбы. Во время Великой Отечественной войны за девять месяцев участия в боевых действиях он сделал 352 боевых вылета. На его счету в общей сложности 6700 часов летного времени, 4862 прыжка с парашютом, шесть показательных катапультирований с самолетов МИГ-15. Он семь раз ломал ноги, но снова летал и снова прыгал с парашютом. Он хорошо знает, что такое прыжок из стратосферы. В то же время, ему прекрасно знакома радость художественного творчества, подвластны многие виды искусств.

Еще в 1965 году старейший парашютист СССР и мира А.А. Белусов писал: «С особым удовлетворением можно отметить творчество офицера Кадушина в области живописи, скульптуры, музыки и спортивное увлечение мотоциклетным, авиационным и особенно парашютным спортом. Его многогранное увлечение и творческая деятельность могут служить образцом и поучительным примером. Ему может позавидовать каждый офицер Советской Армии».

Сейчас полковник в отставке, мастер парашютного спорта СССР Лев Маркович Кадушин работает в музее РКК «Энергия», который создавал более тридцати лет тому назад.

До войны

Детство и юность Льва Кадушина прошли в Симферополе, где он родился в 1921 году. Его родители были людьми увлеченными. Отец был любителем живописи, его работы отличались профессиональным исполнением. Он также освоил лепку, играл в теннис, занимался велосипедным, конькобежным и мотоциклетным спортом. Мать хорошо играла на фортепиано и пела. Домашняя обстановка благоприятно сказалась на воспитании сына, который многое унаследовал от родителей, и главное – увлеченность.

Лёва очень любил рисовать. Начал со школьных стенгазет. Близкий знакомый отца, профессор живописи Н.С. Самокиш, уговаривал отдать сына учеником к нему в студию, но родители хотели, чтобы их сын стал инженером.

В 14-летнем возрасте юноша начал посещать занятия в автмотоклубе. Успешно выступал в мотоболе, а затем увлекся мотокроссом с преодолением искусственных препятствий, расставляемых на поле стадиона: висячий мост на цепях, двугорбая горка с четырьмя наклонами под 60°, двухметровый трамплин и другие. Юный мотоциклист успешно соревновался в мотокроссе со взрослыми и опытными спортсменами. Судьбе было угодно, чтобы он заменил попавшего в аварию артиста в передвижном аттракционе Симферопольского цирка и вскоре овладел искусством скоростной езды на мотоцикле по вертикальной стене.

Во время репетиции нового циркового номера лопнул трос, и Лёва получил серьезные травмы: только через год, после сложной операции и длительного лечения он снова вернулся к своему опасному увлечению.

Однажды в цирк пришли спортсмены из Симферопольского аэроклуба, которые выразили свое восхищение увиденным и пригласили юного артиста посмотреть на их работу в воздухе. Здесь молодой человек впервые увидел прыжки с парашютом и сразу же «заболел» этим видом спорта.

20 января 1940 года он получил «парашютное крещение», совершив первый ознакомительный прыжок с парашютом. До начала войны на его счету их было 24.

Окончив среднюю школу перед самой войной, Лев Кадушин по комсомольской путевке поступил в Ейское военно-морское авиационное училище имени Сталина, где начал летать на морских самолетах.

Война

Война застала его в училище. Через некоторое время, из-за наступления немцев, училище срочно эвакуировалось в Стерлитамак, где курсантов обучали ночным полетам. По окончании училища Льва Кадушина оставили инструктором и очень ценили, не желая отпускать на фронт. В результате в аттестате Кадушина среди пятерок по всем предметам красуется одна-единственная тройка – по военному делу: ее выставили намеренно, чтобы ценного инструктора не забрали на фронт. А он рвался туда – хотел отомстить фашистам за расстрелянных в Симферополе родителей, и писал рапорт за рапортом. Однако, согласно приказу И.В. Сталина, инструкторов отправляли на фронт только на месячную стажировку. Так Л.М. Кадушин попал в запасной полк, где прошел тренировку на боевое применение (фотографирование, разведка и корректировка огня тяжелой артиллерии).

Остаться на фронте помог случай. Пришлось Кадушину перевозить на самолете больного командира полка. Пока летели, пилот по просьбе командира дважды срочно сажал самолет. Один раз аэродромом послужил крестьянский огород, во второй раз – церковный двор. И мастерство пилота было оценено: Кадушин остался в полку этого командира. Из запасного полка в 1944 году его направили на 2-ой Украинский фронт в 207-й Краснознаменный корректировочно-разведывательный ордена Александра Невского Ясский авиационный полк – единственный на весь 2-ой Украинский фронт. Именно здесь за девять месяцев он сделал упомянутые 352 боевых вылета. Для корректировки и разведки приспособили штурмовик Ил-2, в котором на месте стрелка находился офицер-корректировщик. Для выполнения поставленных задач приходилось иногда делать по 5 – 7 вылетов в день. Всякое было, и смерть ходила рядом. Из одного вылета Кадушин вернулся на аэродром с убитым в бою штурманом...

Пилот самолета ИЛ-2 Л.М. Кадушин получает задание от командира звена

Лев Маркович немногословен. Но даже его скупые рассказы рисуют незабываемые картины: вот невдалеке появляются облачка разрывов. Красиво, если не думать, что каждое такое облачко несет в себе смерть. Обстрелянные летчики советовали для безопасности лететь на разрыв: меньше вероятность, что из-за рассеяния при стрельбе попадут в то же место. Но ведь Кадушину надо было не просто пролететь, а обеспечить качественную фотосъемку, для чего необходимо выдержать небольшую скорость, определенный курс, а порой и малую высоту.

Перспективная съемка, предназначенная для оценки масштабов объектов противника на земле и их функциональной расшифровки, требовала выдержать высоту полета 100 – 300 метров. А это очень опасно! Не раз после благополучного возвращения выяснялось, что привезли «штаны»: не было требуемого 50-процентного перекрытия фотографий. И приходилось лететь снова... Не зря в полку служили самые способные летчики, которых руководители фронта знали по именам.

Перед самым окончанием войны за участие в боевых операциях лейтенант Лев Кадушин приказом тов. Сталина награжден именной грамотой.

После войны

Вместе с полком Л.М. Кадушин встретил Победу в чехословацком городе Брно. После окончания войны полк целый год отдыхал, и для летчиков нашлось множество интересных занятий. К примеру, создавали самодеятельность, и Кадушин выступал в качестве аккордеониста в джаз-оркестре. Рисовали плакаты, на которых был отражен весь боевой путь полка. В гости к летчикам приезжали художники из студии имени Грекова – рисовали портреты заслуженных воинов. Кадушин с интересом наблюдал за их работой, а однажды сам нарисовал портрет, который понравился даже профессионалам. И стали они звать Льва Марковича ехать с ними в Москву учиться рисованию. Но желание летать перевесило, да начальство никак не хотело расставаться и с полковым художником, и с аккордеонистом, и с киномехаником, и со скульптором (он стал автором памятника летчику-истребителю Попову, могильного памятника с бюстом Героя Советского Союза, полковника Чистякова, скульптуры парашютиста).

В 1947 году, став начальником парашютно-десантной службы полка 131-ой истребительной авиационной дивизии, Лев Маркович снова начал прыгать с парашютом.

На реактивном учебно-тренировочном истребителе МиГ-15 он освоил спасительное для пилота катапультирование, сопряженное с дикими перегрузками, которые соответствуют как бы кратковременному увеличению веса тела в 22 раза! В порядке демонстрации такого катапультирования перед летным составом Л.М. Кадушин на различных аэродромах страны выполнил его шесть раз. И это притом, что всего лишь одно катапультирование в жизни летчика – чрезвычайное событие, запоминающееся до конца дней.

Двадцатилетний спортивный путь Л.М. Кадушина не был легким: в 1955 году во время одного из прыжков с самолета ИЛ-2 в момент динамической нагрузки (при раскрытии парашюта после длительной задержки) у него лопнул аппендикс. Медики, сделав сложную операцию, спасли жизнь Л.М. Кадушина. И вскоре он начал выполнять прыжки с парашютом с той же активностью. Щедро делясь опытом, Лев Маркович вырастил 14 мастеров парашютного спорта.

«Парашютно-десантный» период его жизни после увольнения из армии закончился в 1970 году, когда он «приземлился» в подмосковном городе Калининграде (Королёве).

Началась работа оформителем в ДК им. Калинина, где ярко проявился его талант художника и с 1974 года Л.М. Кадушин – главный художник города.

***Л.М. Кадушин с друзьями
в мастерской при музее РКК «Энергия».***

Оформление города к праздникам, торжественных собраний во Дворце культуры – всё это стало предметом его забот. В качестве главного художника Кадушин представлял наш город на ежегодных выставках наглядной агитации, на которых Калининград, как правило, занимал первое место.

А потом Лев Маркович перешел работать на предприятие С.П. Королева для создания музея, который и стал его детищем.

Немногие знают, что барельефы С.П. Королёва (на улице Карла Либкнехта) и В.П. Мишина (дом на улице Циолковского) выполнены по скульптурам Л.М. Кадушина. И основа герба города – тоже его работа. Лев Маркович до сих пор переживает, что кто-то в его проекте выбросил изюминку – запуск первого в исто-

рии человечества искусственного спутника Земли и заменил его ничего не говорящей «шестеренкой» вокруг земного шара. И портрет Циолковского на доме рядом с памятником С.П. Королёву в начале проспекта его имени – тоже работа Л.М. Кадушина.

Можно только развести руками в недоумении оттого, что автор более 1000 (тысячи!) работ, картины которого украшают квартиры многих его друзей, так и не удостоился в нашем городе персональной выставки.

ЭТО БЫЛО НЕ ВО СНЕ

Я познакомился с ним случайно, хотя многие годы мы жили рядом в подмосковном Королеве, и сразу почувствовал в нем светлого человека.

Говорить спокойно о том, что ему пришлось пережить, чему довелось быть свидетелем и активным участником, невозможно даже сейчас, более полувека спустя. Когда я узнал от него о страшных событиях в маленьком белорусском селе, о силе и стойкости человеческого духа, о фантастических возможностях человеческого организма, стало ясно, что я просто обязан рассказать читателям о судьбе Вячеслава Львовича Тамаркина.

Когда фашисты напали на Советский Союз, Славе было 11 лет.

Такое короткое детство

Он родился и рос в селе Ляды, расположенном на границе Белоруссии и России вдоль старой Смоленской дороги. В семье было четверо детей. В 1934 году, в дни коллективизации, в избе на глазах четырехлетнего Славы бандиты убили его мать. После ее гибели отца в колхоз не приняли: сказали, что ртов у него пять, а работник он – один. То, что отец мог работать за пятерых, в счет не бралось. Так общество, за счастье которого отец Славы бился на полях Гражданской войны, начисто отвергло его вместе с детьми.

С детства ненавидел Слава белых, о которых слышал от отца. Ненавидел так, что в детсаде не хотел есть манную кашу:

– Она б-бел-лая, а я бел-лых н-нен-навиж-жу! – так заявил он воспитательнице.

Под влиянием детсадовского воспитания будущее представлялось прекрасным, ребята даже переживали, что поздно родились, и к социалистическому пирогу явились на все готовенькое. Они слышали и о том, что, боясь всемирной революции, мировая буржуазия копит силы, чтобы уничтожить страну Советов. И ребята готовили себя к защите СССР: «вооруженные» до зубов, самозабвенно играли они в войну.

А еще они любили смотреть кино. И Слава был страшно огорчен, когда узнал, что Чапаева в кинофильме играет артист Борис Бабочкин, а не сам Василий Иванович.

Начало войны

Войну жители села почувствовали в первый же день, когда вечером по большаку через Ляды пошли на восток замаскированные ветками санитарные машины с ранеными. А скоро из Гродно и Вильно, Минска и Витебска потянулись беженцы. Многие шли даже пешком.

Местные жители давали беженцам тряпки – обмотать опухшие от жары и ходьбы ноги, рвали простыни и наволочки на бинты, перевязывали раненых, давали в дорогу продукты, воду, отпавляли ослабленных молоком, предоставляли кров тем, кто не мог идти дальше. Беженцы не задерживались. За все благодарили и, уходя, советовали жителям уходить как можно скорее.

Играть теперь в войну ребятам не хотелось: шла настоящая и, как уже все понимали, очень жестокая и беспощадная война, какой, может быть, не было еще прежде. Жители начинали понимать, что Красная Армия не просто отступает, хотя верить этому не хотелось, а беспорядочно бежит, и еще неизвестно, сможет ли она их защитить?! Ребята очень хотели помочь взрослым, но тем было не до них.

Вскоре, после трехдневных боев в окрестностях села, в Ляды вошли фашисты. И жители села поняли, что Ляды погибли, задержав рвавшихся к Москве фашистов на целых три дня.

В оккупации

На месте древнего местечка было пепелище: огонь поглотил все – скарб, мебель, домашних животных и птицу. Вместо казенных зданий высились груды битого кирпича, вместо деревянных домов сиротливо и дико торчали полуразрушенные, закопченные трубы. И все окутал смрад. Одинок, как тени, бродили по пожарищу люди, извлекая из-под угля и пепла все, что могло еще сгодиться.

После боя в Лядах и их окрестностях валялось много всякого оружия, боеприпасов, военного имущества и снаряжения. И мальчишки начали собирать оружие, чтобы передать его Красной Армии, в приходе которой они не сомневались. Вскоре ребята организовались в отряд. Они называли себя гаврошевцами и поклялись не опозорить славное имя маленького французского героя. А реалии жестокой войны проявлялись в Лядах все больше.

За развалинами одноэтажного кирпичного здания кожевенной артели ребята обнаружили за колючей проволокой человек пятьсот вчерашних бойцов и командиров Красной Армии, а теперь – военнопленных!.. Одни, изнуренные и изможденные под палящими лучами солнца, что-то искали на грядках, другие без сил сидели или лежали на земле. И ребята приспособились незаметно для охраны помогать раненым, незаметно для охранников передавая им продукты и воду.

В двенадцати километрах от села разместился вражеский гарнизон, в котором служили предатели Родины – бывшие военнопленные: русские, украинцы, белорусы. Чуть ли не каждый день стали они появляться на машинах или повозках. Этих предателей называли сначала бойцами соединения «700», а затем – «роасовцами» – солдатами Русской освободительной армии. Каждый день врываются в дома к евреям полицаи, а теперь еще и «роасовцы» выгоняли всех взрослых на работы, грабили, избивали, издевались, как могли. Немцы в этом беспределе тогда не участвовали и казалось, что у них полно своих «забот». Бывшие члены колхоза «Новая жизнь» трудились теперь в качестве рабов на благо начальника полиции.

Гаврошевцы пакостили немцам, как только могли. По селу висели портреты Гитлера с надписями: «Гитлер освободил» и

«Гитлер освободитель». Однажды эти подписи были продолжены и читались так: «Гитлер освободил. На паек посадил» и «Гитлер освободитель. Народов душитель». В один из дней ребята провели настоящую диверсионную операцию. Они незаметно натаскали с берега Мереи мелкий речной песок и сшили небольшие мешочки так, чтобы из них можно было легко его высыпать. Когда стемнело, двое поднимали капот и отворачивали пробки радиаторов четырех немецких грузовиков, а третий, выдернув нитку в мешочке, насыпал песок в радиатор.

В дождь, в минуты, когда немцы ждали, что вот-вот должна, наконец, победоносно закончиться война, гаврошевцы из Лядов совершили подвиг!

Немцы привезли откуда-то большие чугунные котлы, два дня грели воду на кострах, промывали радиаторы.

Массовые акции нацистов

Первая акция началась так. Несколько подростков ползли по середине дороги, слегка припорошенной за ночь снегом. Их заставили ползти без помощи рук и ног, только двигая животом. Как только кто-то невольно двигал рукой или ногой, немцы били по ним прикладами или коваными каблуками сапог. Их это очень смешило. Наконец, по команде одного немца... подростки вскочили, разобрали лопаты у парня, который их нес, и побежали в сторону западной окраины Лядов. А потом последовало продолжение. Выгнанные силой из домов, голодные люди стояли в ожидании своей участи. Скоро появилась длинная, будто бесконечная колонна евреев всех возрастов, которые, несмотря на удары конвоиров-погонщиков прикладами, резиновыми палками и стеками, шли не спеша и, казалось, спокойно. Немцы загнали в лощину северо-западной Лядов тысячи евреев. Дул холодный северный ветер. Под ногами переминавшихся от холода голодных людей чавкала вода. К полудню от Лядов отделилась повозка, медленно приближавшаяся к лощине в сопровождении автоматчиков. Скоро люди увидели в ней тех юношей и девушек, о которых говорили, что они ушли с красноармейцами на восток. На груди каждого висела фанерка с надписью «партизан». Их подвели к могиле,

выкопанной теми подростками, которых заставляли ползти без помощи рук и ног... Началась казнь...

После казни всех пригнали на старое еврейское кладбище, где уже стоял стол, стулья и две скамьи с розгами... Юношей отделили от девушек, построили в две колонны и подводили к скамьям: на одну скамью клали девушку, на вторую – юношу и секли розгами. В завершение 29 человек из числа жителей были расстреляны. Так завершилась первая массовая акция нацистов в Лядах.

Вторая акция была пострашней первой: в здании школы нацисты организовали малое гетто. В нем оказался и Слава с двумя младшими братьями. Пребывание в гетто было медленным, мучительным умиранием от голода и болезней.

Понимавшая, что узники гетто обречены, тетя сказала Славе, что есть приказ ему бежать. К вечеру Слава, накрывшись простыней, подполз под колючую проволоку, обманув бдительных охранников, и бежал. Тут же он увидел бегущего навстречу отца. Как пушинку, подхватил отец Славу, прижал к себе и молча быстро пошел. Слава щекой ощущал слезы на его отросшей бороде.

– Там Гдалька с Яшенькой остались, – выдохнул Слава из себя.

– Молчи, сынок, молчи, родной, я все знаю. Мы оставаться здесь не можем. И им уже ничем мы не поможем, – рыдая шептал отец.

Скоро Слава с отцом узнали, что через несколько дней после побега Славы фашисты выгнали всех из школы, а больных вывезли и в противотанковом рву расстреляли...

Отряд лейтенанта Николая и полк «Тринадцать»

Отец и сын долго ходили от деревни к деревне, ночуя то в баньке, то в каком-нибудь сарае, а случалось и в стогах сена или соломы. И, в конце концов, попали в отряд, которым командовал молодой парень в форме лейтенанта НКВД по имени Николай. Хорошее знание отцом Славы местности, умение ориентироваться в любую погоду, днем и ночью, оченьгодились в отряде. Николай поручил ему быть связным между отрядами с целью объединения в единую партизанскую бригаду. В такие походы

отец Славы брал сына с собой. В один из походов полицаи схватили ночевавшего на гумне отца Славы. А Слава находился в это время в рядом расположенной баньке и видел, как обмотанный вожжами стоял отец в окружении полицаев, которые то и дело ударяли его прикладами.

Потом отряд Николая был разгромлен карателями. И снова начались скитания по деревням (под видом детдомовца из Смоленска, не пожелавшего эвакуироваться – легенда, данная Славе командиром отряда). Снова – случайные ночлеги, пока Слава, весь покрытый чесоточной коростой, из трещин в которой сочилась кровь, не попал в особый партизанский полк «Тринадцать» под командованием бывшего учителя из Дорогобужа двадцатипятилетнего Сергея Владимировича Гришина, Героя Советского Союза. В этом полку Слава воевал более пятнадцати месяцев и превратился из «сына полка» в опытного, закаленного в боях бойца. «После войны, – рассказывает он, – мне часто снятся одни и те же сны: то, спасая младших братьев, бежим по лабиринтам гетто, то разные бои... Во сне я уже знаю, что мне это снится, и все равно просыпаюсь от страха и ужаса».

Много боевых эпизодов помнит Вячеслав Львович, но рамки очерка позволяют мне привести лишь некоторые из них. Был эпизод, когда в составе отделения Слава и еще один юный боец приехали в деревню. Крестьяне им сказали, что на другой окраине появились немцы на автомашине. До леса – с километр и ни единого кустика. Бойцы отходили от одного телеграфного столба к другому, прикрывая друг друга огнем. Так было на самом деле. Славе же снится этот эпизод, будто он стреляет и видит, как его пули одна за другой впиваются в грудь оккупанту, а ему хоть бы что, не падает да и только. От ужаса Слава просыпается.

А вот – партизаны затаились в лесу, в лютую стужу спасаясь от преследования войск двух немецких генералов и даже не стреляя по низко летящим самолетам, чтобы себя не обнаружить. К вечеру мороз крепчал. Усевшись в своем укрытии, Слава вел наблюдение. Ему вдруг показалось, что «тепло» расплывается по всему телу, и будто он лежит на русской печи, а возле, мурлыча, растянулся кот...

«Э-э-э», – словно из-под земли услышал он собственный голос и чей-то чужой, говоривший: «Три его, три !» – Медсестра

налила ему в рот из фляжки самогон. Потом еще и еще. В общем, кто-то из ребят обратил внимание на то, что Слава затих, и решил проверить, не замёрз ли он. Подошел, тронул, и Слава повалился. Начали его тереть, отогревать и привели в чувство.

Командир полка Гришин, уходя от преследования, проявлял не только мужество, но и чудеса смекалки. Вячеслав Львович хорошо помнит, как к ночи Гришин приказал все повозки, кроме госпитальных с ранеными, оставить в лесу, к деревьям привязать лошадей, а весь груз взвалить на собственные плечи. Тихо, точно в сказке, партизаны просочились сквозь вражеские заслоны, где у костров грелись каратели. Двое суток штурмовали оккупанты лес, где ржали и рвались привязанные к деревьям кони. За это время гришинцы были уже далеко.

Однажды самолет сбросил кассету бомб, Слава попытался определить возможное место их падения. Вдруг слева от него на воздух взлетели бревна, доски, взметнулась пыль, уши заложило от пронзительного свиста, а тело словно стало невесомым. Слава потерял сознание, а когда очнулся, его окружала серая непрозрачная пелена. Постепенно она стала рассеиваться, и Слава увидел птиц, кружившихся в небе. Значит – живой. Каким-то шестым чувством он осознал, что ему грозит опасность. Потом почувствовал левую руку, коснулся ею полевой сумки; еще через какое-то время почувствовал все свое тело, руками нащупал карабин. Попытался встать, опираясь на него, но ему это никак не удавалось. Голова, словно многопудовая гиря, никак не отрывалась от земли. Пытаясь встать, передвигая ноги, он кружился вокруг головы. Струйка тепла текла по шее, правое ухо кровоточило. Наконец, опираясь на карабин, он все же поднялся на ноги. И хотя он на них чувствовал себя достаточно твердо, тело ему еще не подчинялось, двигалось в ту сторону, куда тянула непосильной тяжести голова.

Конечно, все это не проходило бесследно даже для совсем молодого организма: в свои двенадцать лет Слава был уже седым.

Бывший командир 1-го батальона особого партизанского полка «Тринадцать» Н.И. Москвин так писал о том периоде боев партизан с фашистами, которые за 46 дней марта-апреля 1943 года выдержали 38 боев:

«Весной 1943 года по дорогам оккупированных врагом Краснинского, Монастырщинского, Хиславичского районов с непрерывными боями проходили партизаны бывшего дорогобужского учителя – Героя Советского Союза С.В. Гришина. Уже более месяца по пятам преследовали партизанский полк «Тринадцать» немецкие генералы. Силы были неравные. Но немцы преследовали партизан, немцев преследовали неудачи. Проводя тактику активного маневра, отбиваясь, нанося противнику громадные потери ударами с тыла и с флангов, полк оставался неуловимым и не выпускал из своих рук инициативу. Полк каждое утро вступал в бой с передовыми подвижными отрядами врага. Днем подходили его главные силы, иногда с хода бросаясь в атаку. Ночами, обходя расставленные врагом заслоны или сокрушая их, полк отрывался от противника, чтобы завтра снова начать бой. Такая обстановка требовала от людей нечеловеческого напряжения физических и духовных сил. Ночные марши совершались чаще всего по целине, на пути были разлившиеся реки, овраги, канавы, наполненные водой, затопленные лощины и непролазная грязь на полях. Полураздетые, в порванной обуви, с ногами, превращенными в сплошные язвы, люди несли на себе винтовки, пулеметы, противотанковые ружья и минометы, боеприпасы и неприкосновенный запас продовольствия, а иногда и раненых товарищей. Совершенное ими было подвигом».

Как-то после очередной атаки немцев Слава пошел посмотреть лошадей. Орлик Гришина мучился от тяжелого ранения в живот. Славе было жаль его и он побежал к начальнику ветслужбы полка. Тот осмотрел коня и сказал, чтобы Дозорцев зарезал его на мясо... Тогда Слава второй раз в жизни увидел, как плачет лошадь. Он увидел слезы и на лице Дозорцева, который, как бы незаметно, с потом вытер их. Уж на что Иван Степаныч сильный человек, но и у него глаза заблестели от влаги. Громко, чтобы слышали все, он сказал, обращаясь к Славе:

– Смотри, партизан, ты самый молодой из нас. Немногим в жизни доводилось видеть слезы коня. Хорошо запомни, а вырастешь – внукам своим не забудь рассказать !

Атаковать доводилось и партизанам. До сих пор помнит Вячеслав Львович эту атаку. Помнит, как дождавшись спада огня немцев, партизаны по команде Гришина рванулись с криком

«ура» вперед. И когда кинжальный огонь прижал их к земле, Гришин обеспокоился тем, что бойцы легли: до немецких траншей совсем близко. Один рывок! Перед очередным броском Слава решил, на всякий случай, загнать патрон в патронник, но это никак не получалось: не то затвор примерз, не то заржавел от сырости. От злости, забыв про опасность, он вскочил на колени, кулаком стал бить по затвору, чтобы его приоткрыть, но тот не поддавался. Вдруг перед глазами сверкнула молния и в карабин ударило так, что чуть было не вышибло его из рук. Ударил разрывная пуля. В это время все вскочили и с криком «ура» устремились вперед. Забросив карабин за спину, Слава тоже с воплем «ура», с финкой в руке побежал вперед... Было уже светло, когда бойцы свернули в совсем еще молодой ельник с сосенками. Здесь командир решил дать бойцам отдохнуть и привести себя в порядок. Только теперь обнаружили многие, что ранены. Тут только Слава обнаружил, что когда разрывная пуля ударила в его карабин, осколком порвало до кости указательный палец.

Гришинцы долгое время находились в Городецком урочище, заблокированное войсками 4-ой немецкой армии. Но и на этот раз на удивление всем Гришин вывел партизан из прифронтовой полосы без единого выстрела! И уже позади Днепр. А впереди война, в которой Слава участвовал еще более полугода.

Вместо эпилога

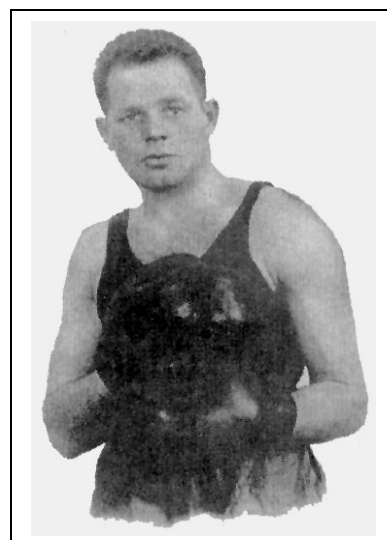
Весной 1944 года Гришин вернулся с «Большой земли» с новым заданием: полк, укомплектованный самыми подготовленными и отчаянными бойцами (500 человек), должен был совершить боевой рейд в Восточную Пруссию, где располагалась ставка Гитлера. А всех раненых и больных надлежало переправить на самолетах в советский тыл. И Слава получает от комиссара полка последнее боевое задание: лечиться и учиться.

Как ни хотелось Славе покинуть свой полк, но приказ командира надо выполнять! И оказался Слава Тамаркин в Казанском Суворовском училище. Учеба была для него тяжелым испытанием, ведь он был по сути полуграмотным. Но это еще полбеда: над Славой в училище никто не насмеялся, и он это высоко ценил. Слава был еще и инвалидом среди физически здоровых

ребят. И он решил для себя, что просто не смеет им в чем-либо уступать. Можно сколь угодно удивляться его решительности, воле и упорству, но с этого момента начинается его необычное восхождение к... здоровью. Он сам ставит свой организм в экстремальные условия, не давая ему поблажек, заставляя его выживать раз за разом. И он в этом преуспел.

Нет чувствительности в пальцах рук? И он все свободное время отдает спорту. Он становится одним из лучших в училище по многим видам спорта и имел разряды. Только три суворовца из всего училища устраивали «забеги» на стометровую дистанцию на... руках. Один из этих трех – Слава Тамаркин. Преподаватель гимнастики говорит Славе, что он прирожденный гимнаст, тренер по классической борьбе – что он прирожденный борец.

После суворовского Слава закончил Омское Краснознаменное имени Фрунзе офицерское училище, став еще и по многим видам одним из лучших спортсменов – призером и чемпионом не только училищ, гарнизонов, но и Приволжского, Сибирского Военных округов по боксу, а в 1955 году защищал спортивную честь Омска и области в первенстве Сибири и Дальнего Востока. Выступал на рингах Казани, Куйбышева, Киева, Омска, Новосибирска и Читы. Казалось, он преодолел все недуги, став еще и одним из лучших строевиков офицерского корпуса. Но правы оказались его боевые друзья, когда говорили: «Погоди, кончится война, и кто уцелеет, все хворобы повылазят, как из земли трава...»

В 1961 году, оставив любимое дело по состоянию здоровья, Вячеслав Львович уволился в запас, а в 1963 году был признан инвалидом 2-ой группы с разрешением работать. Он продолжал не только учиться, трудиться, но выполнял значительную общественную работу. Он был членом Совета военно-научного общества при Омском доме офицеров, а затем, в течение более двух десятилетий, был членом президиума Омской секции Советского комитета ветеранов войны, где ему было поручено образовать Со-

вет партизан Гражданской, Великой Отечественной войны и участников движения Сопротивления, который он возглавлял 11 лет.

В 1985 году на него был написан донос в КГБ о том, что он слушает по радио «вражьи голоса», читает запрещенную литературу и, в подтверждение этого, «доброжелатель» приложил к письменному доносу его блокнот с выписками из книг Солженицына, Войновича и других диссидентов бывшего СССР. Всего навет состоял из восьми пунктов. Первый – о том, что Тмаркин – не тот, за кого себя выдает, а последний – о том, что занимается антисоветской пропагандой и воспитывает сына в антисоветском духе.

В результате «кэзэбешники» допросили всех его родственников и однополчан в разных городах страны. В Омске был допрошен бывший летчик Д.Ф. Крушельницкий, который доставил Тмаркина на «Большую землю», а в Москве допросили С.В. Гришина.

Помня клятву гаврошевцев и наказ Дозорцева, Вячеслав Львович написал воспоминания «Это было не во сне», выполнив тем самым долг перед павшими и живыми. И я горжусь тем, что, прочитав его рукопись, помог ему в издании книги.

Написанные воспоминания – ПОКА последнее из арсенала возможностей, реализованных этим обыкновенным и необычным человеком. Я знаю, что Вячеслав Львович работает сейчас над третьей частью воспоминаний, охватывающих послевоенный период его жизни. Ему есть о чем сказать людям.

Я ВЫБРАЛА КОЛЫМУ

«**В** 1944 году в больнице Севлага на Беличьей я рассказала о смерти Осипа Мандельштама Варламу Тихоновичу Шаламову, который попал в больницу как тяжелый дистрофик и полиавитаминозник. Мы изрядно над ним потрудились, прежде чем поставили его на ноги. В больнице с ним познакомился заключенный фельдшер хирургического отделения Борис Николаевич Лесняк, после освобождения через год в 1946 году ставший моим мужем. Он горячо ратовал за Шаламова. Я оставила Шаламова в больнице культторгом, сохраняя его от тяжелых приисковых работ, где он долго продержаться бы не смог...»

Эти строки взяты мной из небольшой книжечки Нины Владимировны Савоевой «Я выбрала Колыму», изданной в Магадане в 1996 году на средства общества «Поиск незаконно репрессированных» тиражом всего 500 экземпляров. Надписывая мне экземпляр, Нина Владимировна сказала: «Не хочется мне Вам ее дарить – плакать будете!» И действительно: казалось бы, столько написано о ГУЛАГе, столько прочитано, но так и произошло.

Я благодарен судьбе, что познакомился с этой удивительной парой – Ниной Владимировной и Борисом Николаевичем и просто обязан рассказать читателям о каждом из них. Мой сегодняшний рассказ – о Нине Владимировне.

Одна из больших удач ее жизни

Она родилась в Северной Осетии в 1916 году в семье хлебо-роба-отца и вечной труженицы-матери. Из четырех сестер в школу ходила только Нина: ее тяга к знаниям превзошла сопротивление отца, называвшего дочь «княгиней». Мечта Нины с детства о врачебной профессии стала осуществляться в 1935 году, когда

она, после окончания двухгодичных подготовительных курсов медфакультета МГУ, сдала экзамены и была принята в Первый Московский мединститут. В то время это была подлинная академия.

Академик Н.Н. Бурденко читал студентам лекции по хирургии, знаменитый терапевт, профессор М.П. Кончаловский – терапию. На всю жизнь запомнила Нина его слова: «Камфора для сердца, как овес для голодной лошади. Кофеин для сердца, как кнут для усталой лошади».

«Считаю одной из самых больших удач своей жизни то, – пишет Нина Владимировна, – что мои институтские учителя – профессора, ассистенты, люди высокой общей культуры и высокого профессионализма, интеллигенты в российском понимании этого слова, передавали нам не только свои знания и опыт, но и учили врачебной ответственности, состраданию, а также прививали нравственные идеалы, культуру поведения, культуру быта».

Именно эти нравственные идеалы побудили Нину Владимировну сделать свой выбор по окончании института в 1940 году: из четырех предложенных ей мест она выбрала Магадан – город заключенных, как называла его комиссия по распределению молодых врачей.

Дело в том, что из пяти лет ее учебы в мединституте четыре пришлось на годы террора. В конце тридцатых был арестован и уничтожен нарком здравоохранения СССР Г.Н. Каминский, которого медики глубоко уважали; был арестован директор института Оппенгейм, которого студенты заслуженно любили. В летние каникулы Нина выкраивала месяц, чтобы съездить на родину, и видела, что над каждым вторым домом в родном селе витал траур: кто-нибудь был арестован. Были арестованы лучшие люди Осетии, прошедшие гражданскую войну, принимавшие участие в становлении советской власти. «Все это вызывало у меня глубокое волнение, тревогу и заставляло думать. Вот почему я считала, что в моих знаниях и моей помощи больше всего нуждаются ТАМ».

Я была потрясена всем этим

Осенью 1940 года Нина прибыла к месту работы. Она приехала в Магадан в... босоножках, имея в чемодане... отрезки шифона и панбархата – то, о чем мечтала все студенческие годы и на

что потратила перед отъездом свои «подъемные». Выручила подруга, отдавшая ей свою вторую пару валенок.

Первое место работы и первое крещение – прииск имени Чкалова Чай-Урьинского горнопромышленного управления.

«То, с чем я столкнулась, – пишет Нина Владимировна, – то, что я там увидела, потрясло меня. Самое буйное мое воображение не способно было это представить. Вздыбленная, вспоротая, перевернутая земля, на которой и в щелях которой копошились такие же серые, как эта земля, люди, а если точнее – тени людей, одетые в грязные, убогие лохмотья. Изможденные серокоричневые лица производили жуткое впечатление. Первое же знакомство с производством и лагерным бытом позволило мне понять две вещи: первое – в сохранении жизни этих несчастных людей серьезно никто не заинтересован, главная их беда – голод и истощение. Второе – единственная служба в этой системе, не являющаяся врагом заключенных, – медики, при всей ограниченности их прав и возможностей. Под флагом этого понимания прошла вся двенадцатилетняя моя работа в лагере...

Осужденные по 58-ой, политической статье, а они составляли большинство «списочного состава», резко ослаблены, истощены. Убогое, некалорийное питание. Отпускаемые по скудным нормам продукты для лагерного котла по пути к котлу и из котла беззастенчиво расхищались.

Вшивость в лагере была стопроцентной. Зимой не хватало ни дров, ни воды. Вода таялась из снега. Дезкамеры насекомых не убивали, а лишь делали одежду сырой, в ней люди шли в пятидесятиградусный мороз на двенадцатичасовую смену.

Почти не было дня, чтобы не привозили с участка в больницу или морг умерших в забое от общего переохлаждения организма. Отморожения были явлением массовым. Отмороженные пальцы рук и ног амбулаторно «скусывались» в день по целому тазику.

Я была потрясена всем этим. Конфликты с начальством начались чуть ли не с первых дней...»

С приходом Нины Владимировны группа временно освобожденных от работы по болезни («группа В») возросла почти вдвое, начальство неистовствовало и грозилось. Зато мало интересовало его то, что в ноябре столовая вольного приискового поселка не имела крыши, так что снег падал на головы и в тарелки. Пользоваться водой из речки Чай-Урьи было равносильно

самоубийству, так как в нее спускались все промышленные и бытовые отходы. По настоянию нового главврача сначала геологи нашли родник на ближайшей сопке, а затем родниковая вода была заключена в трубы и спущена к прииску. Действенных лекарств от дизентерии не было, но болезнь пошла на убыль.

«Доктор, не спасайте меня...»

Много людских судеб прошло через доктора Нину Владимировну, никогда, ни на йоту не отступавшей от нравственных принципов, усвоенных за годы учебы, даже если это грозило ей крупными неприятностями. «Удивительная у тебя способность наживать врагов», – не раз говорил ей Борис Николаевич. «Но и друзей – тоже!» – отвечала она ему. И оба были правы. Вот несколько таких историй.

«В начале лета один из приисковых геологов, еще молодой человек, вступил в открытый и громкий конфликт с приисковым начальством. Я уже не помню самой причины конфликта, но последствия его никогда не забуду. Рано утром в амбулаторию внесли на фланелевом одеяле Лешу, геолога, с перерезанным горлом, истекавшего кровью. Белый, как полотно, без сознания. Полпоселка столпилось возле амбулатории. Широкий разрез открывал кольца дыхательного горла, из которого, булькая, вырывалось слабое дыхание...

Решение созрело быстро, само собой: до лагерной больницы и ее хирургического отделения было далеко... Надо было немедленно действовать. Ни хирургического шелка, ни хирургических игл в амбулатории еще не было, руки еще не дошли... Я налила в стеклянный лоток спирт, нарезала на куски и бросила в спирт простую белую нитку, обожгла на спиртовом пламени инструмент, прокалила и согнула простую иголку, вымыла руки спиртом, смазала края раны йодом и приступила к делу. Зияющая рана завораживала, дыхательная трубка держалась на одном или двух сантиметрах задней стенки. Разрез не коснулся сонной артерии, я это поняла сразу, и потому не оставляла надежда на спасение. Крепким швом я соединила хрящи, дыхание сразу пошло через рот, перевязала крупные сосуды, кожу скрепила металлическими скобками, которые, слава Богу, всегда находились в штангласе со спиртом. На горле получилось целое ожерелье. Одновременно ему была внутривенно введена глюкоза и сделан укол с обезболи-

вающим. Я уже накладывала плотную повязку, когда Леша открыл глаза, обретая сознание, и сказал почти шепотом: – Доктор, не спасайте меня, не спасайте...

Через полчаса я везла Лешу в берелехскую больницу («вольная» больница в поселке Берелех – А.Л.), где сдала его из рук в руки хирургу этой больницы...»

А через месяц в амбулаторию к Нине Владимировне с букетом цветущего шиповника зашел Леша. Он был сактирован и расчитан с выездом на «материк».

Нина Владимировна признается: «Не раз мне говорили в лицо друзья и враги, что я – человек весьма неудобный, обладающий удивительной способностью наживать врагов, что мой резкий, не приспособленный к компромиссам характер дорого обойдется мне. В этих словах была большая доля правды, но изменить свою природу я не могла, да и не хотела».

Принцип «Все для больного!»

Из-за адских условий лагерного бытия у Нины Владимировны постоянно возникали конфликты с администрацией лагеря, а один ее безрассудный поступок мог ей дорого обойтись: она чуть не разделила участь своих подопечных.

«В медпункте у меня было два санитары... Однажды они пришли ко мне и сказали, что в бараке, куда помещали освободившихся из лагеря, как правило, доходяг, одному зэку стало плохо, кровь пошла у него горлом. Бригадир велел ему вернуться в лагерь.

Проходившие мимо санитары, видя, насколько он плох, завели его в барак «свежих вольняшек» и пристроили к печке. Парнишка молодой, его было очень жалко.

– Ведите его сюда, – сказала я.

И впрямь: бледный, истощенный, с горящими глазами, с хорошим лицом – он вызывал сочувствие. Ему было лет двадцать, осужден он был по 58-й статье, и очень было похоже, что у него туберкулез... Он пролежал у нас более двух месяцев. Мы его хорошо кормили, лечили. Он окреп. Может быть, еще полежал бы, если бы в этот же стационар не поступил с каким-то острым заболеванием надзиратель первого лагпункта. Он узнал заключенного, который давно числился в побеге. О своей находке он сообщил командиру дивизиона ВОХР и оперуполномоченному... Меня начали трясти как пособника

побега. Только вмешательство начальника санотдела Чай-Урьи Татьяны Дмитриевны Репьевой уберегло меня от беды. Ее доводами были моя молодость, неопытность в колымской специфике, движение врачебного долга».

В предвоенные и военные годы прииски Чай-Урьи укомплектовывали «отходами» и «отбросами» с других приисков, и когда этапы прибывали на Чай-Урьинские прииски, особенно – на Чкаловский, из машин нередко вынимали уже окоченевшие трупы.

Нина Владимировна металась между лагерем и приисковой администрацией. Все, что ей удавалось выбить, выдрать, выкричать для лагеря, казалось каплей в море, тонуло в кошмаре лагерного бытия.

«Кусок не лез в горло, и сон не шел. Я чувствовала, что нахожусь на грани катастрофы, нервного срыва. Я писала рапорты во все эшелоны дальстроевской власти, вплоть до самого начальника Дальстроя... без какого-либо успеха. Лагерная администрация, охрана смотрели на меня с неприязнью и удивлением. Начальник отряда ВОХР сказал мне как-то:

– Что-то вы больно печетесь о врагах нашего народа и нашей Родины. Смотрите, чтоб не кончили плохо».

Все та же Репьева, оценив ситуацию, отправила Нину Владимировну в отпуск. Затем она была отозвана в Магадан и, после непродолжительной работы заведующей урологическим отделением центральной больницы, в конце лета 1942 года приняла больницу Севлага в таежном поселке Беличья. И с этого момента принцип «Все для больного!» стал законом для всех, а его несоблюдение стало несовместимым с пребыванием в больнице.

В своей книжке Нина Владимировна не пишет, но я узнал об этом от Бориса Николаевича: никто не говорил «больница» или «доктор», с некоторых пор за главврачом больницы прочно утвердилось уважительное прозвище «Мама Черная» (Нина Владимировна – жгучая брюнетка, как и все женщины-осетинки).

Это была дань благодарности Доктору с большой буквы, ведь все без исключения зэки – и уголовники, и политические – знали, что попасть к Маме Черной значило – выжить!

И когда она по роду службы отправлялась в свою очередную поездку на один из многочисленных объектов Гулага, ее уже опережала эта весть, передаваемая по четко работавшему устно-

му телеграфу зэков. Уголовники оповещали братву: во время поездки Мамы Черной – никаких насилий и эксцессов! И так оно всегда и было, хотя в ее отсутствие случалось всякое.

Вопиющее нестандартное явление для лагерной Колымы

Результаты деятельности Нины Черной в больнице являются собой яркий пример того, ЧТО могут сделать инициатива и настойчивость даже в нечеловеческих условиях. По-существу, главврач взяла на себя функции лагерных начальников, большинство из которых откровенно умыли руки от организации быта лагерников, но сосредоточились на мучительстве «врагов народа».

Вот только краткое перечисление сделанного.

В одном из корпусов больницы печное отопление заменили паровым. Организовали подсобное хозяйство – тепличное, парниковое, огородное. Построили полноценные ванны и теплые, цивилизованные туалеты. В больнице появился так ей необходимый рентгеновский аппарат. Первая на Колыме станция переливания крови была создана в больнице Севлага на Беличьей.

А когда станция переливания крови уже работала бесперебойно и продуктивно, возникла и была осуществлена смелая идея – переливание асцитической жидкости (АЖ) как наиболее дешевого естественного кровезаменителя. АЖ просачивается через стенки кровеносных сосудов в ткани и полости дистрофиков и откачивается из брюшной полости для облегчения их состояния. Она является, по-существу, плазмой крови. Этим и решили воспользоваться сотрудники больницы, обсудив идею на одной из врачебных конференций. По словам Нины Владимировны, вместо слива на выброс в течение 1943-1945 годов было перелито более пятисот литров АЖ, причем, с большим терапевтическим эффектом. «Это была, – пишет Нина Владимировна, – титаническая по трудоемкости работа, удивительная по своей смелости, а по масштабам, очевидно, не знавшая прецедента в в отечественной да и в мировой медицине.»

Для лагерной Колымы Беличья больница не имела аналога и в другом. Больница – лагерь на несколько сот мест, куда попадали заключенные с самыми разными статьями и сроками вплоть до двадцатилетников, – не имела... ни вышек, ни вахты, ни зоны,

даже простой ограды-плетня, не имела ни единого вохровца на своей территории. До 1945 года единственным вольным человеком в больнице была Нина Владимировна.

Она добилась этого вскоре после того, как приняла больницу, и в ответ на требование режимной части и военизированной охраны обнести территорию больницы зоной, поставить вышки, оборудовать вахту. Она заявила, что в случае побега из больницы всю ответственность берет на себя и может это сделать в письменной форме.

«Персонал больницы, на сто процентов состоявший из заключенных, более, чем кто-либо способен был оценить это завоевание, ибо обрел сам, пусть малую, но свободу. Я была уверена, что ни одно отделение не допустит побега. Жизнь подтвердила это». Таков был авторитет Мамы Черной – никто даже не попытался подвести чудо-доктора под статью!

В этом весьма кратком изложении содержания книги мне осталось сказать, что 20 ноября 1946 года Нина Владимировна и Борис Николаевич обвенчались в Магаданском городском ЗАГСе. И хотя «срок» Бориса Николаевича закончился, к Колыме супруги были привязаны «статьей 39 положения о паспортах», поставленной в его паспорте. Лишь через десять лет, в 1956 году, Борис Николаевич получил документ о полной реабилитации.

«В 1972 году, выйдя на пенсию по возрасту, мы с мужем вернулись в Москву. Но лагерь навсегда остался в нашей памяти. Голос его временами звучит очень громко. Не удивительно, что большая часть наших друзей – люди из-за колючей проволоки или их близкие. Мы легко понимаем друг друга и приходим друг другу на помощь в беде».

Так заканчивает свою книгу эта удивительная женщина. Но не заканчивается наша встреча с людьми трудной судьбы. Следующий рассказ – о Борисе Николаевиче Лесняке, об аде, через который он прошел, том аде, от одного только вида которого ужаснулась его будущая супруга.

ОКЕАН МОЛЧАНИЯ ПО КАПЛЕ НАПОЛНЕН КРИКОМ О ПОМОЩИ

*Когда я пришел в этот мир, он
показался мне ласковым, добрым,
сулящим счастливую жизнь.*

Борис Лесняк.

«**П**осле ареста меня долго не вызывали к следователю. Я ломал себе голову, пытаюсь понять причину ареста и характер возможного обвинения. Лишь первые дни в тюрьме я не терял еще надежду, что весь этот кошмар – всего лишь недоразумение и, разобравшись, меня, конечно, отпустят.

Иллюзии быстро рассеялись. В камере, где было более ста тридцати человек, я кое-что понял и кое-чему научился. Следствие мое проходило в основном на Лубянке, куда меня на время перевели из Бутырской тюрьмы.

В предъявленном обвинении значились пункты 8 и 11 статьи 58 УК РСФСР, другими словами – участие в студенческой контрреволюционной террористической организации».

Эти строки – из книги Бориса Николаевича Лесняка «Я к вам пришел!», изданной в Магадане в 1998 году тиражом всего 1000 экземпляров. Между тем, она заслуживает такого же внимания читателя как «Один день Ивана Денисовича» и «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына, «Колымские рассказы» Варлама Шаламова, воспоминания Льва Разгона, ибо представляет собой правдивый, эмоциональный и мужественный рассказ узника ГУЛАГа, прошедшего все круги рукотворного ада.

Когда его арестовали, он был студентом второго курса третьего Московского медицинского института. Это произошло в пять утра 1 ноября 1937 года. Борису было 20 лет. Мог ли он думать еще вчера, что совсем скоро следователь Радченко будет

пытать его на Лубянке: ставить к стенке и бить сапогом в живот и ниже, а однажды обломает на своей жертве подлокотник своего кресла. Мог ли он думать, что проведет на Колыме долгих тридцать пять лет?!

Захар Кузьмич – дитя «Галины Борисовны»

23 апреля 1938 года Борису Николаевичу Лесняку было объявлено постановление Особого совещания при НКВД СССР. За контрреволюционную деятельность (КРД) его приговорили к восьми годам исправительно-трудовых лагерей с отбытием срока наказания в Северо-Восточных трудовых лагерях. Он не чувствовал себя виноватым, не признал себя таковым. Несмотря на побои в ходе следствия, не опорочил себя, не оговорил других. Поэтому-то и получил всего лишь (!) восемь лет.

«Станция Тюмень. На гладком, посыпанном желтой дресвой перроне ни души. На длинном сером столбе большие черные мухи отливают нефтью. К вершине столба подвешен динамик. Величественная мелодия разливается по перрону, наплывает на поезд и поднимается к небу. Сочный голос неторопливо выводит: «Широка страна моя родная...»

В нашем вагоне одно окно не закрыто. Я сижу на нарах, прижавшись к решетке лбом. Слова песни расплавленным свинцом вливаются в сердце и мозг. Стальная горячая лапа сжимает мне горло».

Так начиналось знакомство Бориса с новой, непривычной географией его необъятной Родины – УСЛОН, ВИШЕРЛАГ, РЫБИНСКЛАГ, БАКАЛЛАГ, КАРГОПОЛЛАГ, СЕВВОСТЛАГ, СЕВУРАЛЛАГ, УХТИЖИМЛАГ, БАМЛАГ...

Так стал он одним из многих Захаров Кузьмичей (з/к или зэка) – порождением «Галины Борисовны» – Государственной Безопасности, жертвами которой становились артисты и врачи, педагоги и адвокаты, инженеры и партийные работники, профессиональные лекторы и военнослужащие, люди духовного звания и литературные критики – представители всех слоев советского общества.

«Без последнего»

Так назывался на Колыме один из методов развода з/к на работу. Привожу свидетельство Бориса Лесняка.

«Уже в ноябре морозы на Колыме достигают пятидесяти. После сна особенно холодно. Предутренний ветерок выдувает из-под грязного, ветхого тряпья последнее тепло тела. Стоять на морозе без движения тяжело, лучше двигаться, хотя бы ходить, что-то делать. Не удивительно, что больше всего отказчиков от работы бывает зимой и выявляются они на разводе. И «развод без последнего» чаще всего практикуется тоже зимой.

«Без последнего» – штука серьезная. Выглядит он примерно вот так. Бьют в рельс «на развод». В барак влетает потный нарядчик и два-три надзирателя. Распахивается на улицу дверь и раздаётся команда: «Выходи без последнего!» В бараке начинается паника, как при пожаре в театре. Все устремляются к выходу, давя, оттесняя друг друга, сбивая с ног, шагая по опрокинутым. Иступленные, осатанелые, загнанные... Последний из барака не выйдет. Ему не позволят. Последнего будут бить. Не торопясь, со знанием дела, весело и ожесточенно. В назидание грядущим поколениям».

Борис Николаевич был свидетелем и другого метода развода. Было это на прииске «Верхний Ат-Урях», на Первом лагпункте, зимой 1939 года.

Развод уже построился по ротам и бригадам, однако задерживался.

«Скоро выяснилась причина задержки. В соседнюю с нашей ротой бригаду бытовиков... староста... и старший нарядчик Нуриман Садыков... тащили под руки какого-то малого, изо всех сил упиравшегося ногами. Они дотащили его до бригады и пытались затолкать в строй. Но это им не удавалось. Как только его выпускали из рук, он садился на снег. Его поднимали, он снова садился. Его поднимали, били под дых в доказательство того, что труд очень здорово облагораживает. Он не соглашался и снова садился...

Когда общее нетерпение достигло предела и повисло в воздухе, наступил момент, требующий разрешения. Шум, крик, брань на какой-то миг стихли, и в полной напряженной тишине раздался звенящий голос старшего нарядчика Нуримана Садыкова:

– Последи рас спрашиваю, блятски твой потрох, идес на работу?
«Потрох» лежал на снегу вниз лицом, без шапки. Но на последнее предупреждение нарядчика ответил длинным, очень образным и выразительным ругательством.

Похоже, что предупреждение нарядчика было еще не последним, потому что, склонившись над «потрохом», он пронзительно закричал:

– Если сесяс не встаешь – наосу в ухо и заморожу!

«Потрох» не шевельнулся.

Нуриман Садыков начал считать: – Рас! Два! Тыри!..

По счету три он, как кошка, бросился на лежащего, повернул его лицом кверху и сел на него верхом. Послышалось журчание струи. Над головой бунтаря поднялся клуб пара.

– Все! – не вставая с колен, крикнул Садыков конвоирам. – Веди развод! – Он легко вскочил, застегнул ширинку, позвал дежурного надзирателя и вместе с ним, ухватив за ноги, поволок поверженного, не сдавшегося саботажника вверх по тропе к изолятору. Все с облегчением вздохнули. Конвой занял свои места, и развод тронулся в путь.

Я покорно шел на двенадцатичасовую муку – долбить тяжелым граненым ломом метровые бурки в прочной, как бетон, мерзлоте. Шел голодный, холодный, плохо одетый, в телогреечных сапогах на шинном ходу. Покорный, безропотный, безотказный, ни в чем, ни перед кем не виновный. Как тысячи таких же, как я, пятьдесят восьмых (политические заключенные, осужденные по статье 58 Уголовного Кодекса РСФСР – А.Л.) из палаточного «городка», в насмешку именуемого уголовниками и администрацией «Поселком Троицкого».

А этот блатарь, которого только что поволокли в нетопленный изолятор, не хочет на лютом морозе махать двенадцать часов восьмикилограммовым ломом или гнать по обмерзшему трапу пудовую тачку. Не хочет! И не идет. Он восстает и сопротивляется произволу. Он отдает себя на большие испытания и тяготы, но не сдается.

Он знает, за что сидит. Он не ждет, как мы, торжества справедливости. Не уходит на расстрел с именем вождя на устах, как это делаем мы. Он лучше одет. У него между костями и кожей есть еще мясо. Меня содержат в палатке из парусины, его – в рубленом деревянном бараке, где в печке сгорают дрова, принесен-

ные мною после работы. Как и дрова, зачастую он отнимает и хлеб у меня, мою кровную пайку, которую ежедневно недовешивает хлеборез, его брат по статье и по духу. И все же восстает он, а не я! Я же покорно иду умирать, скованный стужей и безысходностью». А стужа такова, что «при температуре, близкой к минус пятидесяти и ниже, образуется плотный туман (из выдыхаемого пара – А.Л.), в котором иногда и на расстоянии вытянутой руки предметы трудно различимы. В сильные морозы на лету замерзает плевок.

«Списочный состав лагеря на прииске «Верхний Ат-Урях в 1938 году составлял 7000 заключенных. К 1940 году он сократился до 4000. К концу первого военного 1941 года число заключенных на прииске не превышало трех тысяч. Такова была цена золота...»

Операция «Вошь»

Летом «аргонавты, прибывшие к золотому руно под конвоем», работали в забое по 12-14 часов под перекрестным «Давай, давай!», а восемь зимних месяцев лютой стужи вымораживали из них последние жизненные соки. Три года на общих работах, три года в открытом забое без перерыва, без передышки! Мало кому удавалось это выдержать.

«Зиму 1939-1940 годов я был уже стопроцентным фитилем-доходягой. Я дошел до последней черты и, как фитиль, догорал». У него было не только РФИ – резкое физическое истощение, но и полиавитаминоз. Цинга и пеллагра разъедали его. Цинготные язвы покрывали все тело от лодыжек до пояса. Они постоянно то прилипали к ватным штанам, то отрывались, причиняя страдания. Пеллагрозный понос обезвоживал и без того истощенное тело.

– Зимой 1941 года я уже и не надеялся пережить! – сказал мне Борис Николаевич. Но судьба ему улыбнулась. В одну из ночей бригадир, оценив, видимо, катастрофическое состояние, перевел его на обслуживание парового экскаватора. Надо было натаивать для него воду из снега, пилить и колоть дрова.

Без преувеличения, это его спасло, как и последующий перевод бойлеристом маленького парового котла.

А спустя еще некоторое время, когда с началом войны в лагерях создавалась острая нехватка медработников, начальство выявило студента-медика Бориса Лесняка. Его положили в больницу, подлечили и сделали фельдшером. Это была его первая самостоятельная медицинская работа.

И работы хватало. «Голодные, истощенные люди умирали от общего переохлаждения организма, так называемой гипогликемической комы. Умирали от дистрофии, авитаминоза, пневмонии, дизентерии.

Своей бани второй лагпункт не имел. Холод в бараках заставлял спать не раздеваясь: в обуви, в бушлатах и шапках. Поголовная вшивость являла собой настоящее бедствие и отражалась не в последнюю очередь на производительности труда. Нередко на утреннем разводе кого-нибудь недосчитывались и находили потом на нарах уже окоченевший труп».

Была середина зимы, и надо было принимать какие-то срочные меры. Где-то раздобыли походный воинский фургон-дезкамеру, отапливаемую дровами. Однако вынутые после прожарки вещи оказались сырыми, а насекомые невредимыми. Прогрели до более высокой температуры: тот же эффект. Что делать? Ведь вывести работяг на участок во влажной одежде в сорокапятиградусный мороз – значило их погубить.

«Я возился с очередной кучей одежды, только что вынутой из дезкамеры. Я расстелил на снегу телогрейку после прожарки и рассматривал швы, наклонившись над ней. Вдруг я заметил, как на угольно-черном фоне влажной одежды появилось сразу два-три белых округлых пятнышка. Потом еще и еще. Они «зажигались», как звезды на небе. Я наклонился ниже. Никаких сомнений, то были вши. Они замораживались и вздувались. Живая серая вошь, замерзая, меняла окраску – делалась белой. Я стоял пораженный этим открытием».

Оказалось, что вши на морозе просто лопаются и осыпаются, если хорошо встряхнуть одежду.

Военный атташе

«В 1942 году после тяжелой пневмонии в барак выздоравливающих попал Иван Пименович Поршаков. Первые две недели

он с постели почти не вставал, разве только по нужде. Нужда заставила выходить из теплого помещения на улицу в сорокапятиградусный мороз. Дежурные бурки, сшитые из старых телогреек, на шинном ходу (подошва бурок делалась из старых автомобильных покрышек), дежурный бушлат, дежурная шапка – один комплект на всех».

Для терапевтического отделения лагерной больницы Поршаков оказался подлинной находкой. Через полгода Иван Пименович стал фельдшером, быстро овладел шприцем, виртуозно делал внутривенные вливания, сам перезатачивал тупые иглы, научился ставить банки и клизмы. Дальше – больше. Их консервных банок и электроспирали он соорудил несколько рефлекторов инфракрасного облучения, которыми прогревали пневмоников, и они хорошо шли на поправку.

В феврале 1943 года всех оставшихся на прииске больных перевели в центральную больницу Севлага. Туда же перевели Бориса Лесняка и Ивана Поршакова.

И когда больница стараниями главврача Нины Савоевой (см. главу «Я выбрала Колыму») «выбила» разобранную и некомплектную, но такую нужную рентгеновскую установку, Иван Пименович заявил, что попробует ее собрать сам. Рентген заработал, а Поршаков стал еще и рентгенотехником, и рентгенолаборантом.

Но и это еще не все. Из хлама, лежавшего в углу больничной электростанции, этот умелец соорудил гальвано-терапевтический аппарат, а из белой жести и электроплитки – соллюкс.

Так Иван Пименович стал еще и фельдшером созданного им физиокабинета.

Лишь спустя многие годы, уже будучи в Москве, Борис Николаевич узнал, что Иван Пименович был военным атташе в Германии.

Вишня с «Перцем»

Павел Губенко работал в лагере фельдшером и как больше-срочник не имел права выхода за зону без конвоя. До своего осуждения по «делу Скрыпника» и обвинения в украинском национализме он был известен как Остап Вишня, печатаясь под этим псевдонимом в газетах и сатирических журналах. В разгар Второй мировой войны Павлу Михайловичу было за пятьдесят. К

этому времени он уже отсидел лет десять из своего длинного срок и был человеком весьма больным.

Незадолго до открытия второго фронта Остапа Вишню срочно, под конвоем, из лагеря увезли. В лагере думали, что увезли на расстрел.

Прошло несколько месяцев, и заключенный Михаил Гаврилович Лангефер получил письмо от Остапа Вишни, в котором рассказывалось следующее.

В какой-то канадской газете, издаваемой канадскими украинцами, появился, портрет Остапа Вишни, а под ним статья, призывающая не открывать второй фронт, так как нельзя иметь дело с мучителями Остапа Вишни, человека доброго, безобидного, веселого и больного. Верить большевикам нельзя. Вишня – любимец народа – десять лет содержится в тюрьме, у него язва двенадцатиперстной кишки, он обречен.

Остапа Вишню привезли сначала в Москву, накормили, помыли, переодели. Потом с ним потолковали, перевезли в Киев, посадили в его редакторское кресло журнала «Перець» и сфотографировали. Фотография Вишни с его статьей «Как большевики мучают Вишню», в которой он издевается над зарубежными «сплетнями» о себе, была опубликована в журнале «Перець».

Ниспровергатель монументов

«На главной аллее магаданского городского парка стояла бетонная статуя в хромовых сапогах. Ее рука, указывающая путь прогрессивному человечеству, была направлена в сторону сопки, под которой в тридцатые годы местный лагерь расположил свой пространственный некрополь.

Человек, воплощенный в бетоне, умер, по официальным данным, 5 марта 1953 года.

То ли под влиянием классики («Каменный гость», «Медный всадник»), то ли по мотивам иного порядка во вторую ночь всесоюзного траура кто-то отбил у статуи руку. Бетон, замешанный некогда без большого усердия, рассыпался на куски, обнажив толстый рифленый железный прут, на котором держалась указующая десница. Форма рассыпалась, оголив содержание...

Совершенное ночью кощунство представило удивленному взору привычный, примелькавшийся образ как бы в новом, внутреннем свете. Весть о случившемся облетела город. Засуетились в верхах. Срочно был вызван куда полагается скульптор М.М. Ракитин, мирно отогревавший после войны и лагеря насквозь промерзшие кости в собственном домике на Марчеканском шоссе.

Ракитин ненавидел Учителя страстно, люто, самозабвенно, давно и открыто... Ракитин не скрывал своих негативных чувств к Учителю никогда и нигде, даже в БЕРЛАГЕ, спецлагере для политических заключенных, постоянно рискуя продлить свой лагерный срок до плюс бесконечности.

Скульптору было предложено в течение ночи и остатка текущего дня восстановить разрушенную деталь монумента. Никогда еще жизнь, богатая драматическими ситуациями, не ставила перед ним столь острой альтернативы. А за спиной стояли дымящаяся от разрывов земля, плен, репатриация, этапы и транзитки, сторожевые вышки и предупредительные зоны, голод и белое безмолвие. На лбу, на спине и на правом колене еще чувствовалось присутствие пятизначного номера, а в домике на Марчеканском шоссе оставались в тревоге недавно приехавшие к нему из России жена и два вихрастых подростка.

Невероятное свершилось. На следующее утро, поблескивая матовым псевдобронзовым светом, тяжелая каменная рука, с коротко остриженными ногтями, твердо указывала человечеству прежний, единственно правильный путь...

После XX съезда, в одну из глухих ночей памятника Лучшему другу физкультурников не стало. Ракитин не спал эту ночь – он низвергал монументы.

Ракитину довелось опрокидывать еще один монумент – стометровую бронзовую фигуру Сталина, установленную в свое время у входа в Волго-Донской судоходный канал. Делал он это по поручению автора монумента, известного скульптора Евгения Вучетича. Вучетич знал, что лучше Ракитина никто этого поручения не выполнит...

В шестидесятые годы Ракитин принял на себя основную тяжесть работ на Мамаевом кургане...»

Колымчане поневоле

Две главы своей книги Борис Лесняк специально посвятил людям весьма достойным, талантливым, порой – просто выдающимся, чьи судьбы были сломаны преступной машиной.

Обо всех не расскажешь, но упомянуть хотя бы кратко некоторых я просто обязан.

Это режиссер московского драматического театра Станиславского Леонид Варпаховский.

Это спасенный Борисом Лесняком и Ниной Савоевой от неминуемой гибели в лагере будущий автор «Колымских рассказов» Варлам Шаламов. Привожу краткий отрывок из его рассказа «Перчатка»: «О Борисе Лесняке, Нине Владимировне Савоевой мне следовало написать давно. Именно Лесняку и Савоевой ... обязан я реальной помощью в наитруднейшие мои колымские дни и ночи. Обязан жизнью...»

Это лагерный врач Яков Уманский – человек, талантливый сразу в нескольких областях: сильный шахматист и математик, заполнявший досуг разбором шахматных партий и решением задач по интегральному и дифференциальному исчислениям; знаток древнегреческого, латыни, древнееврейского и арабского языков, основных европейских языков, находивший в лагере время изучать еще и грузинский. Уманский всегда работал врачом широкого профиля, одна из его идей – диагностика некоторых заболеваний по запаху.

Нельзя не упомянуть Петра Семеновича Каламбета, заведовавшего Первым терапевтическим отделением центральной больницы Севлага.

«Знание людской природы и верный глаз Петра Семеновича являлись для главврача большим и ценным подспорьем». Именно он разыскал в своем отделении и предложил главврачу в качестве повара бывшего шеф-повара ресторана московского ипподрома, который оказался магом и волшебником в своей области и помог организации полноценного питания больных. В палате выздоравливающих и слабосильных Каламбет нашел влюбленного в свою профессию агронома, с помощью которого главврачу удалось быстро создать развитое подсобное хозяйство: парники, теплицы, открытый грунт. Больные стали получать свежие огурцы, помидоры, капусту, редис, морковь, свеклу и брюкву. И именно от Ка-

ламбета исходила инициатива применения асцитической жидкости как естественного и весьма эффективного кровезаменителя после того, как он со своим коллегой обнаружил об этом монографию в журнале «Клиническая медицина».

До ареста этот грамотный, опытный врач, умный и проникательный человек был посольским врачом в одной из западных стран.

И, наконец, назовем лагерного врача, а затем лечинспектора Санотдела Севлага Макса Львовича Пинхасика, человека героической и трагической биографии, члена РКП(б) с 1920 года, арестованного по ложному доносу в 1935 году. Первоначальное наказание – три года ссылки за «моральную ответственность за убийство Кирова», потом пять лет Колымы за «троцкистскую деятельность». После XX съезда КПСС «его лишили звания «врага народа», и он обрел статус «старого большевика, ветерана партии...».

«Его интеллигентность, которую он и при желании не мог бы скрыть, такт, острый ироничный ум, демократичность и доброе сердце – все это притягивало к себе».

Макс Львович слушал в свое время блистательные лекции Бехтерева и овладел методом его лечебного гипноза. «Его рассказы лишены вымысла, это – куски жизни, нерядовые, яркие, которые хранит его память...»

Вот один из многочисленных рассказов Пинхасика в изложении Бориса Лесняка.

«Года 1936-го, месяца сентября, дня 28-го в 10 часов утра с приема в амбулатории Туруханска врач Пинхасик был вызван в райотдел НКВД. Читая передовицы того времени, было ясно, что от такого вызова можно ждать. Макс Львович снял халат, тщательно вымыл руки и направился в «хитрый домик».

– А, доктор, садитесь! – приветливо встретил его уполномоченный райотдела. – Расскажите нам какой-нибудь анекдот про бедного еврея.

Пинхасику было не до шуток, и он молчал. Наконец, следователь приступил к делу.

– Вы обвиняетесь в том, что занимались контрреволюционной агитацией, сравнивая советскую власть с раввином. Чему вы удивляетесь? Вы же рассказывали анекдот про козу и раввина?!

«Что ответить? – подумал Пинхасик. – Рассказ Шолома Алейхема – классика еврейской литературы – явился причиной

обвинения. Какое отношение имеет Шалом-Алейхен, умерший в 1916 году в Америке, к Советской власти?»

– Разрешите, – обратился он к оперу, – рассказать вам один контрреволюционный анекдот?

– Не разрешаю, – отвечает тот. А по глазам видно, что анекдот его интригует.

Не дожидаясь разрешения, Макс Львович начинает рассказывать:

– Один еврей идет по улице и кричит: «Идиот!» Подходит к нему городской и говорит:

– Жидовская морда, ты арестован!

– За что?

– За оскорбление Его императорского величества.

– Позвольте, пан городской, я ругал Рабиновича.

– Знаем, кто идиот, – с величественным видом ответил городской.

– Я не хочу вас обидеть, гражданин следователь, – сказал Пинхасик, – но крамольные мысли были у городского, а не у еврея. Извините меня, но вы действуете подобно городскому. Вывод контрреволюционный сделали вы.

Следователь продолжал ходить по кабинету и уже не скрывал улыбки. Понравился ему анекдот. Однако для соблюдения ритуала произнес без злости:

– Вот видите, даже здесь, в НКВД, вы занимаетесь контрреволюцией!

Дальше пошел разговор по обычному трафарету для тех мрачных времен. Итогом явился приговор без суда: пять лет исправительно-трудовых лагерей.

И загредел Максим Львович на еще не обжитую Колыму. Да еще с формулировкой «За контрреволюционную троцкистскую деятельность».

Чтобы заключить рассказ о Пинхасике, привожу свидетельство Бориса Лесняка о том, как Макса Львовича реабилитировали.

«После XX съезда начали приходить на Колыму реабилитации бывшим «врагам народа». Прошел год, второй, а Пинхасик все еще оставался с клеймом. Тогда он написал заявление следующего содержания: «В ЦК КПСС. Довожу до вашего сведения, что в посмертной реабилитации не нуждаюсь».

Ни просьбы. Ни жалобы. Недели через две его вызвали в милицию.

– Распишитесь. Вы реабилитированы, – сказали ему...

– Раз я не виновен, разрешите ознакомиться с моим делом.

– Вы что! Разве можно! Дело секретное.

– Тогда я не возьму документа о реабилитации!..

Пришлось работнику милиции показать Максиму Львовичу собранный следователем уголовно наказуемый материал: «Женат, имеет маленькую дочь, работает в мединституте» и логично вытекающее отсюда заключение: «Занимается дискредитацией вождей партии и правительства».

В высоком смысле этого слова

В качестве начальника санчасти прииска, первой и недолгой в жизни Бориса Николаевича административной должности уже после отбытия срока, он вел прием в одном из лагпунктов. Это было в 1947 году.

Один из пришедших на прием сразу привлек внимание Лесняка.

«Я сам был доходягой, доходяг повидал, но то, что я увидел тогда, меня поразило. Я увидел скелет, обтянутый кожей, не мог понять, за счет чего он удерживается в вертикальном положении. Поражала несоразмерная телу большая голова. С этой головы смотрели на меня василькового цвета смеющиеся глаза. Смеющиеся глаза и этот скелет явили такой контраст и выглядели столь нелепо и неестественно, что перехватывало дух...

Я подошел к человеку-скелету.

– Вы что, в самом деле ни разу не были в амбулатории? – спросил я.

– Не был, – ответил он. Лицо его доверительно улыбалось.

– Почему? – вырвался у меня недоуменный вопрос, с подобными явлениями я еще не встречался. Менее истощенные постоянно осаждали медпункты с традиционными жалобами: «Ноги не шагают», «Работать не могу», «Все тело болит». И это не было симуляцией.

– Почему в таком состоянии вы не обратились в амбулаторию?

– Ну как, я ничем не болею, – ответил он.

– Вы же едва держитесь на ногах!

– Все от Бога, – сказал он смиренно. И улыбнулся”.

Этим заключенным был Войцех Дажицкий, 1918 года рождения, поляк, католический священник в Житомире.

Органы НКВД арестовали его в марте 1946 года, а уже в июле он услышал приговор: статья 58, пункт 10, срок – 8 лет исправительно-трудовых лагерей. На следствии он был обвинен в распространении католицизма, в оказании религиозной помощи православным и хранении антисоветской литературы (стихи Мицкевича и... «Интернационал» на польском языке).

Войцех попал на Колыму летом 1947 года и работал в открытом забое по 12 часов на откатке породы с нормой 80 тачек за смену.

«Месяца два колдовала Нина Владимировна (главрач лагерной больницы, ставшая в конце 1946 года женой Бориса Николаевича – А.Л.) над Дажицким...» В конце концов, несмотря на «пятьдесят восьмую статью», супругам удалось взять Войцеха к себе в дом в качестве дневального: редкие исключения делались для высокого начальства и врачей. И это спасло Войцеху жизнь.

После освобождения из лагеря в 1952 году жизнь Дажицкого складывалась трудно: «Неустроенность, скитания, унижения, издевательства уполномоченных «от религии» долго сопровождали его. Только в 1957 году он получил приход с костелом в поселке Городковке Крыжопольского района Винницкой области. Здесь много поляков и украинцев-католиков. Дажицкий занял свое место в жизни и все остатки сил отдал служению людям и Богу». В его пастве «...нет алкоголиков, правонарушителей, лодырей. За тридцать лет его работы в Городковке не было ни одного развода...

В 1974 застойном году на квартире ксендза и в костеле был проведен погромный обыск. Антисоветской литературы, радиопередатчика не нашли. Даже стихов Мацкевича и «Интернационала» на этот раз не было».

Борис Николаевич и Нина Владимировна до сих пор переписываются с Войцехом. Им известно, что Войцех встречался с папой римским Иоанном Павлом Вторым во время Ассамблеи епископата и что тот отнесся к Войцеху с исключительным теплом и вниманием.

В одном из писем Дажицкому Борис Николаевич назвал себя атеистом. И получил следующий ответ: «Одно Ваше слово ударило меня как бы током. Почему Вы зачислили себя в число «безбожников».

Ведь Вы всю жизнь творили Божьи дела. Вы спасали людей несчастных, а написано: «Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, это сделали Мне» (Матфей, 25-40). Значит, не так уж плохо...Вы же не враг Сотворителя. Вы ищите Его всегда, когда ищите правду и, думаю, ее найдете – я этого Вам от всего сердца желаю».

Я думаю, многим читателям близка такая вот мысль Бориса Николаевича: «... не приму я в конце жизни какой-либо веры. Я за то, чтобы Бога носить в себе, в сердце, в душе, в жизненных принципах. Именно к этому в итоге, я думаю, стремится любая религия, как к конечному результату своих усилий».

Вот почему «колымский доходяга, приисковый дистрофик Валька Дажицкий, вырастает в моих (Бориса Лесняка – А.Л.) глазах в Войцеха Якубовича Дажицкого, отдающего свою жизнь без остатка состраданию, милосердию, утешению и воспитанию в своей пастве человеческого начала в высоком смысле этого слова».

О людях с гипертрофированно развитым чувством гражданского долга

1972 год. «Тридцать пять лет Колымы, двадцать два – Магадана остались позади, за кормой... Оформлена пенсия, готовят расчет, в пути – контейнер с вещами...

Конец августа. Яркое бодрое утро. Прозрачный воздух с легкой прохладцей. Я, дочь, зять и крошечная внучка в голубой коляске вышли побродить по воскресному городу. Свой «Зенит» я зарядил цветной обратимой пленкой. Можно на прощанье поснимать город, который я знаю почти от рождения, не моего, конечно, а города...

Мои спутники стали подниматься к Дворцу профсоюзов, и я решил выйти на Пролетарскую, где не бывал давненько, и поглядеть на дом, в котором мы прожили свои первые девять магаданских лет (после отбытия срока заключения – А.Л.)...

Вот оно первое слева окно, точнее – проем. Окно комнаты номер тринадцать – моей комнаты, нашей... целая вереница воспоминаний.

– Ну что ж, с богом! – подумал я. – Надо щелкнуть на память!»

Закрывая аппарат, я поглядел в сторону проспекта Ленина, на который был намерен выйти. От гостиницы «Магадан» навстречу мне шел очень пьяный мужчина, которого хмель кидал из стороны в сторону. Ой-ля-ля! Он споткнулся о шестигранник магаданского тротуара и, сделав два-три шага вперед с протянутыми руками, растянулся плашмя, делая безуспешные попытки подняться. Я закинул аппарат за спину, чтобы не мешал, и подошел к нему. Глянул по сторонам, не позвать ли кого на помощь, и никого не увидев, принялся за дело. С большим усилием я поставил его на ноги, и подтолкнул легонько... Отряхнув себя, я зашагал в сторону дома...”

А вскоре к Борису Николаевичу подошел мужчина в сером пиджаке, представившийся дежурным по областному управлению КГБ, и пригласил его проследовать с ним в стоявшую неподалеку черную «Волгу» с открытыми дверями.

«Через две минуты машина остановилась у подъезда «хитрого дома». «Давненько меня сюда не приглашали», – подумал я...

Мы прошли мимо часового и вошли в открытую дверь небольшой комнатки на первом этаже. Возле окна на стуле сидела женщина средних лет, бедно одетая. Она сидела очень прямо, словно на исповеди или причастии. Косынка, повязанная у горла, была сброшена на затылок. Со смуглого ее лица горящие темные глаза смотрели на меня в упор.

Дежурный сел за стол, предложил мне сесть напротив и стал разбирать письменные принадлежности.

– Это он, это он! – выкрикнула женщина! – Я его сразу узнала.

– Он, он! – подтвердил шофер. – Я за ним долго наблюдал...

После выяснения места жительства и работы Лесняка дежурный КГБ продолжил разговор:

– Борис Николаевич, – сказал он, – вот эти два человека видели, как вы фотографировали детей на развалинах дома по Пролетарской улице и фотографировали пьяного, лежащего на тротуаре. Зачем вы это делали? Для какой цели?

– Я не фотографировал ни детей, ни пьяного...

– Как не фотографировал! Как не фотографировал!

Он фотографировал через окошко детей, которые были внутри. Я это прекрасно видела. Не верьте ему! – закричала женщина.

– И пьяного он снимал. Я как раз на углу возле гостиницы дежурил и все видел, товарищ дежурный офицер! – сказал шофер...

– Ну, хорошо, – повернулся я к шоферу, – вы видели, как пьяный упал, вы видели, как я его снимал, тогда вы должны были видеть, как я его поднимал. Видели?!

– Ну, видел, – сказал он наступательным тоном.

– Значит, видел! И лежал он долго. Пьяный упал, когда я фотографировал дом...

– Ага, сознался! – закричала женщина, даже покраснела от азарта...

Я продолжал:

– И лежал он к вам ближе, чем ко мне. Что же вы, шибко сознательный гражданин, не подняли человека с дороги?! А я еще искал, кто бы мне подсобил. Вы, чай, лет на пятнадцать помоложе меня...”

Затем Борис Николаевич рассказал, как было дело, и в доказательство своей правоты предложил проявить отснятое им.

– Что же касается моих обвинителей, – я посмотрел на них внимательно, – у меня нет к ним претензий. Эти люди с развитым чувством гражданского долга и высокой бдительности, высочайшей, что заслуживает глубокого уважения.

Я глянул на моих обвинителей и прочитал на их лицах смешанное чувство: досады от того, что охота сорвалась, и гордости от моих комплиментов. Думаю, что преобладало первое.

– Вы можете идти, – обратился офицер к свидетелям. Они неторопливо поднялись. И было видно, что людям с развитым чувством гражданского долга очень не хочется уходить...”

А спустя несколько минут дежурный офицер принес свои извинения Борису Лесняку.

– Ну что вы! Все в порядке, – успокоил я его. – Все ж лучше перебдеть, чем недобдеть. Я так думаю. Мне можно идти?

– Да, да, конечно, – сказал дежурный офицер.

– Пустят без пропуска?

– Я вас провожу.

И проводил меня до тяжелых дверей КГБ.

Выйдя на улицу, я вздохнул полной грудью. Приятно выходить из этого дома...»

И теперь, когда почти полвека минуло после преступного государственного безумия, невозможно не изумиться тем «homo soveticus»-ам, которые заявляют, что, дескать, репрессии, может быть (?!), и были, но без них мы бы не выстояли против гитлеровцев, не изумиться тем, кто откровенно скучает по товарищу Сталину, ходят с его портретами и с легкостью необыкновенной провозгласили себя преемниками КПСС, даже не думая посыпать голову пеплом!

Мне осталось лишь добавить то, о чем в книге Бориса Николаевича не сказано. В 1976 году, спустя три с лишним года после возвращения в Москву и выхода на пенсию, он вместе с инженером Александром Фюрстенбергом и журналистом Борисом Марьямовым основал Московский клуб афористов. Заголовок этой статьи – один из блестящих, выстраданных афоризмов Бориса Николаевича Лесняка.

Предлагаю вниманию читателей некоторые из афоризмов Бориса Лесняка

Ирония – предохранительный клапан желчного пузыря.

Взятка – колесная мазь в механизме общественных отношений.

Время врачует раны, если их не посыпать солью.

Как медленно мы взрослеем и как быстро старимся.

Душа приходит к финишу раньше, чем тело.

Исповедь в чужих грехах – это уже донос.

Лишь в братских могилах все люди становятся братьями.

Меняю любовь ближнего на вежливость и терпимость.

Некоторые мысли нужно выводить на поводке и в наморднике.

Умы как ножи – затачиваются друг о друга.

Политика кнута заключается в том, чтобы выглядеть пряником.

Если фарс долго не сходит со сцены – это трагедия.

Всегда есть зады, тоскующие по розгам.

Согнутый в дугу – распрявился в оглоблю.

Когда идеи прививают как оспу, то к идеям возникает иммунитет.

Заткнуть рот легче всего пирогом.

И возле пылающего глагола можно погреть руки.

« Я – С А М А ! »

В январе 2001 года в Королевском отделении общероссийской общественной организации инвалидов (ОООИ) «Глас» состоялась выставка прикладных искусств: вязание спицами и крючком, макраме, фриволите, изделия из бисера, цветы из ткани, цветы и украшения из кожи, мягкая игрушка. Выставка понравилась всем, и многие посетители выразили желание учиться представленным ремеслам. А некоторые говорили, что выставка дает им силы жить и работать. При посещении выставки я понял, что говорилось это от души, а не ради красного словца.

Первый экспонат, который привлек мое внимание, была вышивка «Незабываемый май», приуроченная к 55-летию Победы в Великой Отечественной войне: девять веточек сирени, выполненные в незнакомой мне манере, необычно мягко передали образ нежных пахучих цветов. А вслед за ними взгляд привлекла табличка, в которой говорилось, что сирень и надпись «Незабываемый» выполнены ... ртом, остальные – ногами (!)

Я выразил желание познакомиться с автором, и вскоре в выставочное помещение вошла женщина со славным лицом, открытым взглядом, внимательными, мудрыми глазами. Так я познакомился с Ниной Ивановной Шушариной. Она – инвалид с рождения: роковой сбой в генах привел ее в этот мир ... без рук. О них напоминает лишь указательный пальчик, торчащий недалеко от левого плеча.

Для начала, словно чувствуя мое смятение и боязнь душевно поранить неосторожным вопросом, Нина Ивановна показала и другие свои работы, рассказала, что свой «Незабываемый май», над которым работала с 20 февраля до 12 мая 2000 года, она посвятила скульптору Федору Викулову, в прошлом – военному летчику.

А потом Нина Ивановна рассказала мне о себе. С первых же дней жизнь для Нины Ивановны стала подлинной борьбой за нее. Ее мать, родившая одиннадцать детей (из которых выжили лишь четверо), сделавшая самостоятельно, без обращения к врачам, четырнадцать аборт, равнодушно взирала, как отчим девочки делал настойчивые попытки от нее избавиться. В мороз он помещал голенькую малышку у форточки, окунал то в горячую, то в ледяную воду. Девочка часто болела. Так часто, что врачи заподозрили неладное и послали для проверки патронажную сестру. И та стала свидетелем очередной экзекуции. «Или пишете отказную от ребенка, – сказали родителям Нины, – или пойдете в тюрьму». Так она оказалась сначала в Доме малютки, потом – в доме для детей с физическими недостатками (г. Сергиев Посад) и позднее – в Дмитровском детдоме.

Еще будучи несмышленищем, Нина как бы чувствовала, что судьба ставит на ней жестокий эксперимент на выживание, и готовила себя к беспримерной борьбе за жизнь.

«Я – сама!» – стали едва ли не первыми ее словами и первыми осмысленными поступками. Если она падала, то никому не позволяла себя поднять: предпочитала подкатиться по полу к стенке, упереться об нее спинкой и медленно подняться. Дальше – больше. Не решаясь оставлять Нину без присмотра, нянечки брали ее то в прачечную, то в сапожную мастерскую или столярку. Все там Нину интересовало, и всегда она говорила, что тоже так сможет. И это не было пустыми словами. Однажды столяр доверил ей рубанок. И она, приладив инструмент к ножке, сняла с материала стружку. Вот таким желанием все попробовать и непременно смочь отличалась Нина от большинства детдомовцев.

Раньше всех в детдоме она освоила швейную машинку, научилась писать, даже ... кататься на велосипеде. Она не позволяла себе ни на минуту почувствовать себя беспомощной и, достигнув одного рубежа, тут же ставила другой. Со временем она

научится фотографировать, плавать (с ластами), печатать на машинке, полностью себя обслуживать, вплоть до стирки ногами.

Летом Нину из детдома забирал отец. Он таскал ее с собой по электричкам, и его «бизнес» имел успех: достаточно было пассажирам увидеть безрукого ребенка с торчащим буквально из плеча указательным пальчиком, как кошельки их раскрывались. Так отец насобирав себе на мотоцикл. А у Нины этот «бизнес» отца вызвал стойкий иммунитет к попрошайничеству на всю оставшуюся жизнь. После восьмилетки Нина окончила мытищинское ПТУ при Московском областном отделе социального обеспечения и получила специальность бухгалтера. Вышла замуж. И здесь судьба нанесла Нине еще один удар: через два года Нина мужа похоронила.

А жизнь текла своим чередом и подбрасывала Нине все новые «нокдауны». Несколько раз она пыталась создать свою семью, но не терпела непорядочности в отношениях и давала суженым от ворот поворот.

Испытав предательство в любви, в минуту слабости эта сильная женщина решила покончить с собой. Боялась она только одного – остаться в живых... инвалидом: столько уже могла эта необыкновенная женщина, что инвалидом себя не считала! Стоя на железнодорожном мосту, она сосредоточенно ждала поезда. А дождалась (впервые в жизни!) родного человека.

Одинокому Ивану Ивановичу Резанову, занимавшемуся проблемами космической медицины, было тогда 54 года. Они разговорились. Узнав, что Нина окончила всего восемь классов, Иван Иванович сказал: « Тебе бы, девочка, учиться надо ».

– Да мне сначала надо найти крышу над головой, да поесть.

– А будет это, учиться пойдешь?

– Конечно!

– Тогда записывай адрес, станешь жить у меня.

На глазах у изумленного Ивана Ивановича Нина лихо выхватила из сумки карандаш своим единственным пальчиком и сделала запись на клочке бумаги.

И «внучка» пришла жить к «дедушке» (так они называли друг друга). Они прожили душа в душу 22 года: Иван Иванович стал для Нины самым родным человеком на свете, заменил ей живых родителей, сестер и братьев.

Он каждый год возил ее на Черное море, научил плавать. При нем она закончила вечернюю школу, дневное отделение исторического факультета МОПИ им. Крупской. Училась только на 4 и 5.

А когда Иван Иванович слег с инфарктом (в возрасте 75-ти лет), сутками не отходила в больнице от его постели, но спасти родного человека ни ей, ни врачам так и не удалось...

Став учителем истории, Нина Ивановна преподавала в вечерней школе Ногинска. Учила думать, а не зубрить, и ученики ее обожали. Да вот не пришлась учительница ко двору школьному директору: можно ли было терпеть правдолюбца, «возникшего» на всех педсоветах и протестовавшего против показухи?! И начался процесс выдавливания неугодной. Ее и без того небольшую 25-процентную нагрузку медленно, но неуклонно уменьшали час за часом. Дошло до того, что она ездила из Щелкова в Ногинск ради ... одного часа занятий. И все-таки ее выгнали.

С 1995 года Нина Ивановна живет одна.

– Особенно трудно, – говорит она, – было в первые месяцы после августовского кризиса (дефолт 1998 года – А.Л.). Приходилось вставать рано утром, чтобы никто не видел, и собирать пустые бутылки. По тридцать штук ежедневно, больше я просто не могла унести.

Она собирала своими «нижними руками» (так она называет свои ноги) 20 бутылок в тележке, 10 – в сумке на шее, а сдавать их ездила в Москву: там платили дорожке. В одну из таких поездок с ней познакомился летчик, прошедший Чернобыль и Афганистан. Этот человек, ставший для нее братом («старшим по уму и младшим по возрасту»), восхитился мужеством Нины Ивановны и помог ей устроиться на работу в художественную школу. Он же познакомил Нину с Федором Викуловым, тем самым, которому Нина Ивановна посвятила свой «Незабываемый май» (с которого началось наше знакомство).

Я решился спросить о ее возрасте.

– А сколько бы вы дали? – спросила она меня не без кокетства.

– Сорок, – ответил я то, что видели мои глаза.

– Так и напишите, – сказала она, – только прибавьте еще ... 13 лет!

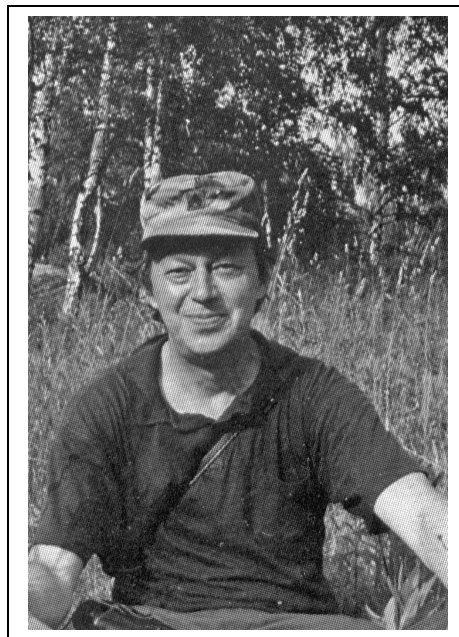
Вот, собственно, и вся история. Впрочем, не совсем. 3 января 1999 года исполнилась заветная мечта Нины Ивановны: при содействии программы «Времечко» она ... прыгнула с парашютом. Две новые радости принес ей ушедший год: ее работы получили дипломы на IV Московском областном фестивале художественного самодеятельного творчества инвалидов в Мытищах (октябрь 2000г.) и Королеве (декабрь 2000г.).

И когда думаешь о тех, кто, имея руки и ноги, голову на плечах, колется наркотиками, изводит себя алкоголем, лишней раз понимаешь, какой же это грех – так бездарно распорядиться подарком судьбы под названием жизнь. Невольно думаешь о бесценных уроках мужества, чести, достоинства и борьбы за себя Нины Ивановны Шушариной. Эти уроки оценила ... итальянская фирма «Мерлони», один из филиалов которой преподнес ей в 1999 году к 8 марта стиральную машину «Индезит». В знак благодарности Нина Ивановна вышила на память салфетку – единственное, чем она могла отблагодарить фирму на свою весьма скромную пенсию.

ЧЕЛОВЕК НА СВОЕМ МЕСТЕ

Сознаюсь, что о Детском экологическом центре я узнал во время случайной встречи с краеведом Борисом Ежовым в конце прошлого века и тогда же написал о центре очерк. Всё написанное тогда справедливо и сегодня. И когда в этот же день вечером я позвонил заведующему центром Виктору Васильевичу Солодушкину и получил приглашение посетить центр ... завтра утром, то поехал туда уже не случайно: за столь оперативной реакцией Виктора Васильевича на телефонный звонок корреспондента газеты я почувствовал человека, душой болеющего за свое дело. И – не ошибся.

Вначале было Слово...

Всего-то 15 минут езды от станции Болшево на автобусе № 7 до конечной остановки и вы совсем в другом мире, потому что попали не в окружающую среду, а на природу, в Национальный парк «Лосиный остров», хотя остановка называется «Поселок торфопредприятия». Поселок, заканчивающий свою историю. Вот и детский сад закрылся здесь в 1994 году из-за отсутствия детей. Кому передать здание садика – такого вопроса не было изначально, ибо Национальный парк «Лосиный остров» по самой своей идее подразумевает экологическое просвещение людей, в первую очередь – оторванных от природы горожан. Экологическое же просвещение невозможно без центра. Так что название этого раздела читатель может трактовать двояко: вначале была идея

центра просвещения, либо же – вначале было мудрое слово администрации Национального парка, принявшей решение отвести здание детсада под «Детский эколого-просветительский центр». Он открылся после вялотекущего двухлетнего ремонта здания в январе 1997 года, когда небольшие группы школьников стали первыми его гостями.

Завершение же ремонта весной 1998 года значительно расширило возможности экоцентра. Теперь в его распоряжении: учебный класс со школьной доской, столами и стульями для 25 человек; конференц-зал с деревянными столами и лавками, который одновременно является и местом чаепития: игротека (пока еще пустующий зал, легко приспособляемый для разнообразных экологических и других игр); спальня для групп с проживанием в центре; электрофицированная кухня. А также – помещения для библиотеки, компьютерного класса, лаборатории, мастерской. Это все – в будущем.

Пока же я сижу в небольшом кабинетике Виктора Солодушкина. Инженер-химик по образованию, многие годы проработавший в НИИТе, краевед и обожатель природы по призванию, он, кажется, нашел теперь то, что искал.

Везде чувствуется его душевное тепло, видны дела его рук. Библиотека, которая непрерывно разрастается: книги о грибах, деревьях и кустарниках, зверях и птицах; журналы о природе, проспекты парков, чудо-книга «Национальные парки России». Шпоры ...петуха, принимаемые всеми за чьи-то клыки. Деревянный черенок с конусообразной макушкой – результатом работы бобров. Многочисленные чаги, чучело совенка, коллекция старинных утюгов, остаток бивня мамонта, деревянные (резные) ложки, берестяной туесок, самовары. В прихожей – чудо-пенек, который Солодушкин с трудом дотащил сюда на перекладных. Все это – только часть запомнившегося и любовно опекаемого заведующим центром. А еще здесь есть бинокль, фотоснайпер, фотоаппарат, дрель, удлинитель и многое другое. Все это притащил сюда из дома Виктор Солодушкин. Не удивительно, что у него в кабинете и спальное место предусмотрено: летом заведующий частенько здесь ночует.

И понять его увлеченность, поговорив с ним, можно. Трудно понять другое: как все это его жена терпит. Видимо, чудный человек!

Подстать заведующему – педагог центра Наталья Николаевна Буторина, выпускница географического факультета МГУ. Экоцентр – ее осуществляющаяся мечта, ради которой эта семейная женщина ездит сюда от ... станции метро «Речной вокзал»! В центре Наташа проводит занятия со школьниками местной школы по факультативному предмету – экологии, с энтузиазмом и выдумкой играет с детьми в разнообразные экологические игры, водит на экскурсии.

Не смотреть, а видеть природу

В тот день я присоединился к экскурсии для группы восьмиклассников из московской школы, которых повел на природу Виктор Солодушкин.

Никакой дидактики, только принцип – что увидел, о том рассказываю, то есть – информация плюс практика. А это – значительно интереснее, чем читать учебник, да и усваивается значительно легче и прочнее. Многие ли из нас знают, что при расширении МКАД на территории Лосиногостовского острова были проложены туннели для прохода лосей? Солодушкин рассказал об этом, добавив, что авторы проекта, к сожалению, нрав лося не учли. А он, упрямец, ни за что в тоннель идти не хочет. Для лося, оказывается, надо было сделать «воздушные» переходы.

Подшли мы к месту поселения семейства бобров. Самых «поселенцев», правда, не увидели. Зато узнали, что бобер валит дерево толщиной в руку человека за ... три минуты, и увидели «карандаши», изготовленные бобрами (конусообразные, как отточенный карандаш, стволы поваленных деревьев). Оказывается, эти неутомимые труженики валят деревья не только для запруд, но и заготавливают древесину на зиму в качестве пищи. И знаете, сколько же этого «деликатеса» заготавливает семья? До пятидесяти кубометров!

Попался нам на пересечении просек столб с четырьмя стесанными у вершины гранями и числами на каждой грани. Всякий, думаю, догадается, что на гранях – номера участков леса. Это,

действительно, так. Только мало кто знает, что грани эти расположены таким образом, чтобы ребро между гранями с наименьшими числами... смотрело на север: ориентир для заблудившегося.

А вот на осине (другое ее название – просто чудо: тополь дрожащий) содран кусок коры. Кто содрал? Ответить можно однозначно: лось и никто другой, поскольку следы резцов видны снизу погрыза, а у лося резцы – только в нижнем ряду зубов.

А это – следы лисицы! А это – кабанья тропа! А вот две березки, трогательно опекающие молодую ель. Березу, оказывается, так и зовут: нянька ели.

Проходим мимо канавы, не обращая на нее никакого внимания. Солодушкин останавливается и рассказывает, что никакая это не канава, а отводной канал, предназначавшийся для спуска воды при торфоразработках.

И все эти сведения мы получаем как бы походя, между прочим, за одну лишь небольшую экскурсию.

Время возвращаться. Глазки у ребят разгорелись увиденным (многие ведь в настоящем лесу впервые за много лет городской жизни!), щечки заалели от вкусного лесного воздуха. Хорошо! В экоцентре их ждут мамины бутерброды с чаем!

А вечером – занимательные экологические игры, исследования, заполнение дневника наблюдений и другие интересные дела.

Наташины игры, рождающие ЛИЧНОСТЬ

О них я узнал вскользь со слов Наташи Буториной и подробно – из ее статьи, опубликованной в газете ... «Лосиный остров» за ноябрь 1998 г. Есть такая ежемесячная газета, учредитель которой – Национальный парк «Лосиный остров».

В экоцентре – целая коллекция экологических и других развивающих игр. Это экокроссворды и головоломки, игры настольные и подвижные, конкурентные и кооперативные, имитационные и сюжетно-ролевые. Эти разнообразные, занимательные игры – эффективная форма общения в группе, способ изучения окружающего мира, познания себя, своих возможностей. Вот названия только некоторых из них: «Лоси», серия игр «Лесные детективы», «Собери дерево», «Собери свой корм»,

«Фитоэстафета», «Букет запахов», «Паутина жизни», «Лосиное-стровское лото», «Друзья Лосинового острова», «Шум в лесу», «Лесной марафон» и многие другие.

Но играми дело не ограничивается. В июне 1997 года на базе центра были проведены практикумы Летней Экологической школы (ЛЭШ). Привожу цитату из статьи Натальи Буториной («Лосиный остров», ноябрь 1997 г.): «Для начала решили освоить самое очевидное и наглядное – узнавать растения леса, луга, болота. Не слабо за 1-2 дня выучить 50 названий растений? Нет, нормально. К концу недели все успешно сдавали зачет, потому что при запоминании растений их не только внимательно рассматривали, но и нюхали, трогали поверхность листьев, стволов, иногда даже тестировали на вкус.

Назавтра уже следующий шаг, а кто же здесь живет? Увидеть с первого раза лесных обитателей или болотных «жителей» не так-то просто.

Многое могут рассказать следы их жизнедеятельности: обкусанные растения, растрепанные шишки, брошенные гнезда, разбитая скорлупа яиц, перышки, клочки шерсти, дупла, кротовины... А при неспешной прогулке с опытным проводником вас ждут удивительные открытия лесной жизни...

Не сомневаюсь, что зоологическая и орнитологическая экскурсии, которые проводил Андрей Мороз, были самыми экзотическими для наших участников.

Замечательное преимущество ЛЭШ в том, что ребята, получив базовые знания, имеют возможность сразу же их применить практически – в самостоятельной исследовательской работе.

Разделившись на рабочие группы по два-три человека, наши юные натуралисты смело взялись за дело. Темы были разные: «Бобровые поселения в долине Неклюдова рукава», «Орхидеи Мытищинского лесничества», «Заячьи уши», «Следы жизнедеятельности животных на учебном маршруте» и другие.

Я до сих пор удивляюсь, с каким энтузиазмом и желанием ребята шли на наши экскурсии, и, особенно, в свои рабочие маршруты, как допоздна сидели с определителями, разбирая «живую коллекцию» или «записки с бобровых поселений»; рисуя схемы маршрутов и эскизы своих находок; сочиняя познавательные экологические игры».

Несколько слов о тропе «Заячьи уши», упомянутой в приведенной цитате. Эта тропа проложена и освоена самими ребятами. Они же дали ей и название: маршрут в плане напоминает заячьи уши. Он начинается и заканчивается в экоцентре, протяженность – 3,5 км, время прохождения – 2-3 часа. С видовых точек тропы просматривается пойма ручья Неклюдов рукав.

На тропе встречается много интересных и даже уникальных объектов: сосновый лес (есть сосны, которым за 150 лет), луговое сообщество, заболоченная пойма ручья, ельник-кисличник, многообразие папоротников, сосна с «ведьминой метлой», беличья «столовая», кормовое дупло дятла, ель «вопросительный знак».

Виктор Васильевич рассказал мне, что разработана экотропа, предназначенная для проведения экологических олимпиад. Олимпиада состоялась 20 мая 1998 года. В ней участвовало около двухсот человек. Когда участники олимпиады и сопровождающие их шли по поселку торфопредприятия, жители высыпали из домов (никогда столько людей не шло по поселку), а старушки ... крестились.

Я должен также сказать и об экологических праздниках, подразумевающих обращение к теме природы. В дни «Марша парков», который проводится в России с 1995 года и стал традиционным, в экоцентре был проведен «Праздник Земли и Солнца». В игровой форме ребятам рассказали про «Семь тайн жизни» и «Мусорных монстров». По традиции, многие школы-друзья «Лосино острова» участвовали в очистке леса от «инородных» предметов.

Помимо экопраздников в экоцентре с большой выдумкой справляют народные праздники – масленицу, новый год, праздник закликания птиц – «Сороки» и многие другие.

Главное богатство

Главное богатство «Лосино острова» – природа – находит в экоцентре свое отражение в любовно сделанных многочисленных буклетах. У меня в руках их около десятка. И они продолжа-

ют рождаться стараниями неутомимого составителя Виктора Солодушкина.

Каждый буклет посвящен какому-либо одному вопросу. Здесь и следы жизнедеятельности птиц, и их гнезда, сами птицы – утки, чомга, звери – кабан, лось, описание тропы «Заячьи уши» и другое. И все – с многочисленными чудесными рисунками. О тексте я уж и не говорю – столько в нем любви к природе, восторга по отношению к ее обитателям и глубоких знаний.

Многие ли из читателей знают, что гнездо зяблика растягивается, увеличиваясь в два и более раза (по мере роста птенцов), не меняя формы и прочности: снаружи гнездо обтянуто эластичным слоем лишайников, скрепленных паутиной.

А как плавает чомга? Когда она подтягивает ноги, то разворачивает пальцы на 90 градусов, и ласты-лопасти становятся ребром к направлению движения, уменьшая сопротивление. Далее следует гребок, при котором пальцы вновь разворачивают лопасти, но теперь уже поперек направления движения.

Патент на такие поворотные пальцы для плавания был выдан природой еще 150 млн. лет назад ископаемой птице. Из всех современных пернатых только чомга снова применила это позабытое изобретение. Оно позволяет чомге опускаться в погоне за рыбой на глубину до 7 метров и, нырнув, проплыть 60 метров за 30 секунд.

А почему, в отличие от селезня, самочка-утка имеет очень скромную окраску? Дело в том, что самочкам, насиживающим кладку, необходимо маскироваться под цвет окружающей их растительности. Селезни же, которые не принимают участия в заботе о потомстве, могут себе позволить яркие и броские наряды.

А почему лоси любят воду? Оказывается, злейшими врагами лося являются различные насекомые из отряда двукрылых (комары, мошки, слепни и оводы). От них лось спасается в воде, проводя в ней иногда все свободное от кормежки время.

На этом я кончаю рассказ о Детском экологическом центре, что расположен в поселке торфопредприятия. Так уж повелось на Руси, что страна во многом живет стараниями чудаков и энтузиастов. К их числу я отношу заведующего центром Виктора Васильевича Солодушкина и педагога центра Наталью Николаевну Буторину, творящих вдвоем на ... полторы ставки. Их подвижни-

чество – это тоже составная часть главного богатства «Лосиного острова»!

К этому рассказу далекого уже 1999 года я должен добавить следующее. За минувшие годы Виктор Солодушкин стал еще и профессиональным фотохудожником. Его изумительные фотоработы известны многим любителям природы по выставкам и публикациям в ряде журналов. А журнал «Лосиный остров» публикует их в каждом номере. Влюбленный в природу Подмосковья, особенно, по словам Виктора Васильевича, «в между-речье Яузы и Клязьмы», он щедро делится своими многочисленными фотоудачами.

Книги Александра ЛОКТЕВА

(с 2000 года – член Московского Союза литераторов)

- Щемящая боль бытия (1997, стихи),
Щемящая боль бытия (1998, стихи),
Конструктор зенитных автоматов (1998, очерк об отце),
Пространство мысли (1998, афоризмы),
Конденсат смысла (1999, афоризмы),
Недавно это было секретом (2001, очерки об артиллеристах и ракетчиках),
Прикосновение к чуду (2002, стихи),
Солнечный зайчик (2003, стихи для детей),
Наша служба и опасна, и трудна (2004, история Королёвского УВД),
Весёлая книга (2005, ироническая поэзия и проза)
Древо жизни (2006, стихи).
Маразмышлизмы (2008, афоризмы, фразы)